

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД БОЛДАЧЧИ

Этли Пайн – героиня,
которую я никогда
не забуду.
Тесс Герритсен

10
9
МИНУТА
ДО ПОЛУНОЧИ

ВСЕ МОЕ ПРОШЛОЕ ОКАЗАЛОСЬ ЛОЖЬЮ.
НЕТ, ЭТО ТОЖЕ – ЛОЖЬ...

В мире продано более 130 000 000 экземпляров романов автора

Дэвид Болдаччи
Минута до полуночи
Серия «Дэвид Болдаччи.
Гигант мирового детектива»
Серия «Этли Пайн», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63442448

Д. Болдаччи. Минута до полуночи: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-117483-5

Аннотация

В памяти у Этли Пайн, словно стальная заноза, засело воспоминание: ей шесть лет, и вторгшийся в их дом мужчина выбирает с помощью детской считалки между ней и Мерси, ее сестрой-близнецом. В итоге он останавливается на Мерси и уносит ее с собой. Больше Этли никогда не видела сестренку...

Спустя тридцать лет специальный агент ФБР Пайн, отчаявшись вырвать признание у маньяка, которого она считает похитителем Мерси, возвращается на место давней трагедии. Дом детства в городке Андерсонвилль, штат Джорджия – ее последняя надежда. Но личное расследование, сколь бы жизненно важным оно ни было, придется отложить. Здесь, в захолустье, где со

времен «Унесенных ветром» не происходило ничего особенного, совершено крайне загадочное убийство: молодая женщина не просто жестоко лишена жизни, но и облачена после этого в антикварную свадебную фату...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	27
Глава 4	37
Глава 5	46
Глава 6	58
Глава 7	71
Глава 8	82
Глава 9	88
Глава 10	95
Глава 11	101
Глава 12	109
Глава 13	118
Глава 14	123
Глава 15	129
Глава 16	140
Глава 17	147
Конец ознакомительного фрагмента.	156

Дэвид Болдаччи

Минута до полуночи

David Baldacci

A Minute to Midnight

© 2019 Columbus Rose, Ltd.

© Гольдич В. А., Оганесова И. А., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2021

* * *

Памяти Боба Шуле

О друге лучше тебя нельзя и мечтать.

Тебя всегда будет не хватать,

Ты никогда не будешь забыт.

Глава 1

Она снова ехала в Долину Смерти.

Вот только эта «долина» находилась в Колорадо, во Флоренс, единственной тюрьме особо строго режима в Америке. Однако упоминание смерти здесь являлось вполне корректным, это место пропиталось ею как следствие преступлений, совершенных ее обитателями.

Специальный агент ФБР Этли Пайн ехала сюда, вдавив педаль газа в пол, на современной версии лошади, бирюзовом «Мустанге» 67-го с опускающимся верхом. Она два года восстанавливала автомобиль вместе с его прежним владельцем, ветераном ФБР, который стал ее неофициальным наставником вскоре после того, как она закончила обучение в Куантико¹. Когда он умер, он оставил «Мустанг» ей, и Пайн уже не могла представить свое существование без этой машины.

Сейчас, после стремительного путешествия сюда, она сидела на тюремной парковке, собирая силы и мужество для встречи с монстром, который находился здесь вместе с другими подобными ему выродками. Все до единого вышли из ужасных кошмаров и без малейших угрызений совести убили в совокупности тысячи людей.

¹ Куантико, шт. Вирджиния – место расположения, в частности, Академии ФБР.

Пайн оделась во все черное, за исключением белой блузки. Блестящий значок ФБР она прикрепила к лацкану пиджака. На то, чтобы ее пропустили через систему безопасности, ушло десять минут, ей пришлось расстаться с двумя пистолетами: «Глоком 23», своим главным оружием, и восьмизарядной «Береттой Нано» – запасной вариант, который хранился в кобуре на щиколотке. Она чувствовала себя голой без оружия, но знала, что тюремные правила нарушать нельзя. И, по очевидным причинам, «никакого оружия у посетителей» являлось одним из главных.

Она сидела на жестком стуле в кабинке для посетителей, обхватив длинными ногами металлические ножки. Напротив находился барьер из толстого стекла. Пайн ждала, когда по другую его сторону появится человек, ради которого она приехала. Несколько минут спустя шесть крупных охранников привели закованного в тяжелые кандалы Дэниела Джеймса Тора, а перед тем как уйти, закрепили цепи на мощной металлической дуге на полу, оставив закон и преступника сидеть по разные стороны поликарбонатного стекла, способного выдерживать прямые попадания пуль.

Тор выглядел впечатляюще: рост шесть футов и четыре дюйма ², вес – 280 фунтов ³, словно высеченных в мраморе. Даже теперь, когда ему минуло пятьдесят, он находился в прекрасной физической форме и вполне мог бы выступать в

² 193 см.

³ 127 кг.

НФЛ⁴. Пайн знала, что все тело Тора покрыто татуировками, многие из которых нанесены его жертвами. Он был настолько уверен в своей способности их контролировать, что доверял им острые инструменты, не опасаясь, что они пустят их в ход, чтобы покончить со своими страданиями. Однако ни одна даже не попыталась.

Он представлял собой настоящий каприз природы, физически и эмоционально. Нарциссический психопат – во всяком случае, так его называли эксперты. Возможно, самое смертельно опасное сочетание из всех, что природа даровала человеческому существу. Он убивал не со злым умыслом, дело обстояло гораздо хуже. Тор вообще не мог испытывать сочувствия по отношению к другим живым существам. Он жаждал только собственного удовольствия. И единственный способ, который позволял ему утолить эту жажду, состоял в том, чтобы полностью уничтожать других. Он убивал не менее тридцати раз, и это были лишь установленные жертвы. Пайн и другие офицеры правоохранительных органов подозревали, что их общее число в два, а то и в три раза больше.

Его голова и лицо были гладко выбриты. Холодные, будто стерильные, глаза оглядывали Пайн, словно он был змеей, приготовившейся перейти в атаку. Зрачки хищника, рожденного дикой природой; он думал только о том, чтобы убивать. Пайн знала, что Тор был превосходным актером, способным играть любую роль и завлекать любых жертв, в том

⁴ Национальная футбольная лига США.

числе умел вести себя как самый обычный человек. Что само по себе ужасало.

– Снова ты? – покровительственно сказал он.

– В третий раз должно повезти, – спокойно ответила она.

– Ты начинаешь вызывать у меня скуку. Так что придумай что-нибудь интересное.

– Во время прошлого визита я показывала тебе фотографию Мерси.

– И я сказал, что мне нужно больше информации. – Несмотря на то, что голос Тора был скучающим, Пайн знала, что ему необходимо доминировать.

Ему требовалось внимание, чтобы оправдать сам факт своего существования, и она собиралась это использовать.

– Я сообщила тебе все, что знала.

– Тебе кажется, что все. Я уже упоминал об этом в прошлый раз. Я дал тебе домашнее задание. Ты его выполнила? Или намерена меня разочаровать?

Пайн понимала, что ей приходится идти по тонкому льду. Хуже того, Тору это также было известно. Она хотела, чтобы он оставался заинтересованным, но не могла позволить ему полностью себя ошеломить. Это вызывало у него скуку.

– Может быть, у тебя появились какие-то идеи, которые могли бы мне помочь, – продолжала она.

Тор бросил на нее мрачный взгляд.

– Ты говорила, что твоей сестре-близняшке было шесть лет, когда ее похитили.

– Все верно.

– Из спальни, посреди ночи, из пригорода Андерсонвилля, штат Джорджия. Ты сама находилась в это время в комнате.

– Да.

– И ты думаешь, что я тебя ударил, но не убил?

– Ну на самом деле ты проломил мне череп.

– И я воспользовался считалкой, чтобы решить, которую из вас я заберу с собой? – уточнил Тор.

– Эни, мини, майни, мо.

– Таким образом, на ком бы ни начиналась считалка, она всегда заканчивалась на другом, ведь в ней четное число слов.

Пайн наклонилась вперед.

– И почему ты начал с меня? Ты хотел, чтобы Мерси проиграла?

– Ты слишком спешишь, агент Пайн. Тебе следует замедлить шаг, если ты хочешь куда-нибудь попасть.

Пайн инстинктивно решила нанести ответный удар.

– Мне больше не хочется зря тратить на тебя время.

Тор улыбнулся и загремел цепями.

– Зато у меня есть время всего мира.

– Почему ты решил оставить в живых меня, а не Мерси? Это случилось случайно? Совпадение?

– Только не позволяй вине выжившего сбить тебя с толку. К тому же у меня нет времени на нытики. – Неожиданно он

улыбнулся и добавил: – И не важно, что на мне более тридцати пожизненных заключений. – Он вел себя так, словно гордился своими приговорами, и Пайн знала, что так и есть.

– Хорошо, но мне важно это знать, – спокойно сказала она.

– Ты же сама говорила, что я проломил тебе череп. Ты вполне могла умереть.

– Могла, но не умерла. А ты всегда старался доводить дело до конца со своими жертвами.

– Ты понимаешь, что сейчас опровергаешь собственное предположение о том, что именно я напал на вас той ночью?

– Я не согласна.

– Тогда позволь мне задать тебе вопрос, – сказал Тор. – Тебе известны другие случаи, когда я забирал шестилетнюю девочку из спальни и оставлял живого свидетеля?

Она слегка отодвинулась.

– Нет.

– И почему ты считаешь, что я поступил так в твоём случае? Из-за того, что твой гипнотерапевт сумел извлечь на свет воспоминание? Ты сама мне о нём рассказала во время прошлого визита. Любопытная вещь, гипнотерапия. Она допускает ошибки примерно с такой же частотой, как дает правильные ответы, быть может, даже чаще. Но ты наверняка изучала мое дело в ФБР. Все изучали, потому что оно входит в обязательную программу, – небрежно добавил он, но Пайн уловила гордость в его словах. – Тебе известно, что в

то время я действовал в Джорджии.

И знаешь, что я думаю? Гипноз не вытащил на свет твои настоящие воспоминания, он лишь обеспечил тебя базой, чтобы ты могла сформировать вывод, к которому пришла ранее на основании полученной извне информации. – Он покачал головой. – Это не устоит в суде при перекрестном допросе. Я оказался в твоих воспоминаниях из-за того, что ты так хотела и у тебя не имелось реального человека, который заполнил бы пустоты. Ты отчаянно желала с этим покончить, что готова даже принять ложь.

Пайн ничего не ответила – в конце концов, Тор мог быть прав.

– Агент Пайн, – продолжал Тор, когда она погрузилась в размышления. – Ты отвлеклась? – Он позвенел цепями. – Эй, ФБР, мой интерес стремительно падает.

– С течением времени ты изменил свой образ действий, – сказала Пайн. – Далекое не все твои нападения проходили одинаково. Ты развивался.

– Конечно, развивался. Как и при любых других занятиях, чем дольше ты что-то делаешь, тем лучше становишься. Я не исключение. Более того, я образец в... конкретной специализации.

Пайн с трудом подавила подступившую к горлу тошноту. Она знала, Тор ждал, что на лице у нее появится отвращение, когда сравнил убийство с обычной профессией. Но она твердо решила, что не позволит ему испытать подобное удо-

влетворение.

– Принято, – не стала она возражать. – Но теперь ты подтверждаешь мой вывод. Из того, что ты никогда не поступал так в прошлом, еще не следует, что ты не поменял своих привычек. Ты совершенствовался, как сказал сам. Твой образ действий развивался.

– А тебе известны случаи, когда я поступил так же позднее? – осведомился Тор.

К этому вопросу Пайн подготовилась заранее.

– Нам известны не все твои жертвы, разве не так? Поэтому я не могу с уверенностью ответить на твой вопрос.

Он откинулся назад и неприязненно улыбнулся, услышав ее грамотный встречный довод.

– И ты хочешь, чтобы я ответил прямо сейчас? – осведомился он. – Делал я это или нет, вот так просто?

– И вновь тебе это ничего не будет стоить. Тебя ведь не казнят.

– Я могу солгать и сказать, что ты права. Тебе этого будет достаточно?

– Я агент ФБР.

– И что с того?

– Мне требуется...

– Тебе требуется тело или хотя бы скелет – после стольких лет, верно?

– Мне нужно подтверждение, – просто ответила Пайн.

Он пожал плечами.

– Боюсь, я не знаю, где захоронены все тела.

– Значит, они ошибались, когда говорили, что у тебя фотografическая память?

– Вовсе нет. Но я сознательно кое-что забыл.

– Почему? – спросила она.

Тор наклонился вперед.

– Потому что не все стоят того, чтобы их помнить, агент Пайн. И я не намерен утешать каждого рыдающего члена семьи, который приходит ко мне с мольбами. Это не совсем мое, если ты еще не заметила.

– Ты помнишь, где похоронена Мерси?

– Тебе придется приехать еще раз, чтобы поболтать со мной. А сейчас я устал.

– Но мы только начали.

– Называй меня Дэн.

Пайн удивленно на него посмотрела. Она не ожидала такого требования.

– Что?

– Это наше третье свидание. Пришло время перейти к именам, Этли.

– А если я не хочу?

Он беззвучно хлопнул в ладоши.

– В таком случае бедная, милая и, вероятно, мертвая Мерси Пайн навсегда останется для тебя загадкой. Какая досада.

– Когда ты хочешь снова встретиться?

– Ровно через месяц... Этли. Я занятой человек. А потому

произнеси то, что я хочу. Или мы закончили. Навсегда.

– Хорошо... Дэн.

Пайн вышла, забрала свои пистолеты – и ей пришлось заставить себя не пытаться вернуться в тюрьму, чтобы вышибить мозги проклятому Дэну.

Она села в машину и поехала в Шеттерд-Рок, штат Аризона, где была единственным агентом ФБР на огромных пространствах малонаселенных территорий. Через час она получила по телефону сообщение, «сигнал Эмбер»⁵. Похищена маленькая девочка. Подозреваемый на сером пикапе «Ниссан» находится где-то совсем рядом с тем местом, где она сейчас проезжала.

В ярком сиянии первого полнолуния после дня осеннего равноденствия бог закона и порядка ей улыбнулся, потому что через пять минут мимо нее, в противоположном направлении, промчался серый пикап.

Пайн развернулась на сто восемьдесят градусов, шины «Мустанга» задымились и протестующе взвизгнули, прежде чем восстановили сцепление с асфальтом, она включила полицейские проблесковые огни, которые установила на машине, утопила изящную педаль газа в пол, и «Мустанг» с ревом помчался спасать жизнь похищенной девочки.

Пайн поклялась себе, что на этот раз не допустит ошибки.

⁵ Система извещения о похищениях детей; по имени Эмбер Хагерман, похищенной и убитой в 1996 г.

Глава 2

Существует одно важное правило «сигнала Эмбер»: добраться до жертвы и похитителя как можно быстрее и перекрыть все пути к бегству. После этого можно решать проблему самыми разными способами: от применения грубой силы до переговоров с подозреваемым, если появится такая возможность, чтобы исключить любой риск для заложника.

Когда похититель свернул с главной дороги, увидев быстро приближавшийся сзади синий свет, Пайн поняла, что скоро ей придется принимать решение. Хорошо, что она знала местность и уже проезжала по этой дороге, когда пыталась немного прийти в себя после второй встречи с Тором. В каньон с почти вертикальными стенами вела единственная дорога, на которой она сейчас находилась.

Пайн сообщила о своем местоположении в полицию, а также свое имя и статус преследования. Она не сомневалась, что их реакция будет мгновенной. Но она находилась на изолированной территории, и полицейские не появятся еще несколько минут. В данный момент Пайн вместе со своими пистолетами, интеллектом, подготовкой и опытом – оставалась главной надеждой похищенного ребенка.

Сумерки постепенно сменялись темнотой по мере того, как они все дальше ехали по поднимавшейся и опускавшейся дороге, полотно которой постоянно сужалось, а обрыв после

каждого поворота по обе стороны становился более крутым.

Она пыталась разглядеть мужчину и девочку в кабине грузового автомобиля, но они оставались неясными силуэтами. Впрочем, номер машины соответствовал полученному по «сигналу Эмбер», а похититель явно пытался сбежать. Понимал ли он, что дорога заканчивается тупиком, Пайн знать не могла. Но не сомневалась, что просто не будет. Однако именно для таких ситуаций она проходила подготовку.

Через половину мили они добрались до точки невозврата. Пайн поставила «Мустанг» посередине узкой дороги, блокируя выезд и развернув машину пассажирской стороной к грузовику. Если он попытается ее протаранить, она выстрелит через ветровое стекло. Пайн выгадила надежный «Глок» и тщательно прицелилась через открытое пассажирское окно.

«Ниссан» развернулся капотом в сторону «Мустанга». Мужчина остановил машину, но двигатель продолжал работать на холостом ходу. Пайн казалось, будто она видит, как у него в голове поворачиваются колесики: стоит попытаться или нет?

Когда он включил фары – скорее всего, чтобы ее ослепить, – Пайн погасила их выстрелами. Вот теперь она добила его полного внимания. После того как Пайн еще раз сказала местным полицейским, где она находится, она осталась сидеть, одной рукой сжимая рукоять пистолета, другой держась за ручку двери.

Некоторое время они просто стояли. Наконец через де-

сять минут дверца «Ниссана» распахнулась. Очевидно, похититель принял решение.

Шахматная партия началась.

Пайн ответила зеркально, распахнув дверцу своей машины.

Четыре ноги ступили на землю около «Ниссана».

Пайн опустила длинные ноги на асфальт.

Мужчина и маленькая девочка вышли из-за двери грузовика, и Пайн сразу направила пистолет в широкую грудь похитителя.

– ФБР. Это конец. Отойди от девочки. Ложись лицом вниз на землю, разведи ноги в стороны, пальцы переплети на затылке. Если будешь медлить, открою огонь.

Мужчина не стал подчиняться ее приказу. Вместо этого он присел на корточки и поставил девочку перед собой.

«Ладно, – подумала Пайн, – этот мешок с дерьмом хочет поиграть в жесткую игру, используя ребенка в качестве щита. И почему меня это не удивляет?»

В свете, падавшем из кабины грузовика, Пайн разглядела, что мужчине немногим за пятьдесят, он высокого роста, плотный и мускулистый, с лысой головой и короткими седыми волосами, нечесаными и вьющимися, точно плющ. Уродливое, с печатью слабоумия лицо. Классический образец стареющего педофила. Он был одет в грязную футболку, не скрывавшую бицепсы тяжелоатлета, пыльные вельветовые брюки и потертые ботинки.

Девочке было девять или десять лет, высокая для своего возраста, стройная спортивная фигура. Одета в футбольные трусы со следами травы и такой же свитер. Грязные колени, футбольные бутсы «Адидас», длинные белые гетры. Конечно, она выглядела напуганной, но Пайн успела заметить в ее глазах решительность.

Пайн не знала, с чем имеет дело – то ли девочку похитил незнакомец, то ли это попытка семейных разборок. Мужчина выглядел слишком старым, чтобы быть отцом, но в наше время всякое бывает.

– Полицейские уже в пути. Делай, что я скажу, и ты будешь дышать, когда все закончится.

Мужчина молча на нее смотрел.

– Habla ingles? ⁶ – спросила она.

– Я американец, сука, – рявкнул он. – Неужели я похож на мексиканца?

– Тогда у тебя нет оснований игнорировать мои приказы, – сказала Пайн.

Он вытащил из-за пояса «ЗИГ-Зауэр» и приставил дуло к голове девочки.

– Вот мой выход отсюда. Бросай оружие, или я вышибу принцессе мозги.

– Ты бросишь пистолет, получишь адвоката и отбудешь тюремный срок.

– Я уже проходил этот путь. И мне он не слишком понравился.

⁶ Говоришь по-английски? (исп.)

вился.

– Как тебя зовут?

– Только не играй со мной в свои дерьмовые игры, изображая хорошего полицейского.

– Я уверена, что мы сможем договориться.

– Дерьмо, ты думаешь, мы тут заключаем сделку?

– Давай поговорим, выясним, что тебя тревожит, и попытаемся решить проблему.

– И ты думаешь, что я поверю в твою хренотень?

– Я на полном серьезе.

– Не обсуждается.

– И как ты рассчитываешь решить проблему?

– Ты уберешь свою машину и выпустишь меня отсюда. А я займусь с маленькой красоткой тем, чем собирался. Знаешь, мне не терпится начать. – Он положил другую руку на шею девочки.

Пайн слегка переместила палец на спусковом крючке «Глока». Быть может, следует рискнуть и выстрелить?

– А как же полицейские, которые совсем скоро здесь будут?

– Ты договоришься с ними.

– Они не находятся под моей юрисдикцией.

– Послушай, тупая сука, я держу девчонку. То есть у меня козырь. Ты делаешь то, что я хочу, а не наоборот.

– Ты не уедешь отсюда с ней.

– Тогда у тебя на руках серьезная проблема, сука.

Пайн решила сменить тактику и посмотрела на девочку.

– Ты знаешь этого человека? – спросила она.

Девочка медленно покачала головой.

– Как тебя зовут?

– Я...

– Заткнись! – закричал мужчина, прижимая дуло пистолета к голове девочки. – И ты заткнись! – рывкнул он, обращаясь к Пайн.

– Я хочу, чтобы мы все ушли отсюда на своих ногах.

– Ты говоришь только о вас двоих. Тебе насрать на меня.

– Я не хочу тебя убивать, но, если ты меня вынудишь, я это сделаю.

– Выстрелишь в меня, и она мертва.

Пайн еще раз посмотрела на девочку, постаравшись быстро ее оценить. Она напонила ей себя в таком же возрасте. Высокая, стройная. Но ее вновь поразили спокойные глаза девочки. Она пробежала взглядом по форме, испачканным в траве шортам и грязным коленям. Эта девочка была бойцом. Значит, есть шансы, что у нее получится. Рискованный вариант, но других в распоряжении Пайн не было.

– Играешь в европейский футбол? – спросила Пайн.

Девочка медленно кивнула.

Мужчина потянул ее к краю. Еще десять футов, и они окажутся перед обрывом глубиной в тысячу футов.

– Больше не двигайся в том направлении, – приказала ему Пайн, шагнув вперед.

Мужчина остановился. Пайн тоже.

Сирены приближались. Но Пайн понимала, что, если она в самое ближайшее время не разберется с похитителем, после появления полицейских ситуация может ухудшиться.

– У меня заканчивается терпение, – рявкнул мужчина.

– Я дала тебе шанс. Единственный. Тюрьма не самое приятное, что может случиться с человеком, но это намного лучше, чем могила. Когда ты окажешься на глубине шесть футов, то уже не сможешь рассчитывать на окончание срока или досрочное освобождение.

Мужчина снова потащил девочку к краю.

– Стой! – взревела Пайн, стараясь поймать момент для удачного выстрела при помощи тритиевой подсветки прицела своего «Глока».

Заднее кольцо прицела имело светящуюся тритиевую вставку, а переднее окружала белая нелюминесцентная краска. Точность была велика, но Пайн не могла стрелять. Она могла задеть девочку. Или указательный палец мужчины дернется, когда в него попадет пуля.

Мужчина торжествующе улыбнулся, когда прочитал сомнения на лице Пайн.

– Ты не станешь стрелять. У меня козырь.

Пайн посмотрела на девочку. Ладно, сейчас или никогда.

– Я играла в футбол. Но единственный гол я забила пяткой, и мяч влетел в ворота прямо между ногами вратаря. Могу спорить, ты играешь гораздо лучше меня.

И Пайн посмотрела девочке в глаза, пытаясь передать ей то, что не могла произнести вслух.

– Заткни пасть со своим футболом, – зарычал мужчина. – А теперь в последний раз: опусти...

Правая нога девочка рванулась назад и вверх и ударила мужчину в пах. Он отпустил ее и согнулся от боли, пистолет выпал из его руки.

– Ах ты маленькая сучка... – простонал он, и его лицо стало красным как свекла.

Задыхаясь, он рухнул на колени.

Пайн тут же метнулась к нему, ударом ноги отбросила его пистолет себе за спину, схватила девочку за руку и оттащила назад, в безопасное место.

На этом все должно было закончиться. Пайн держала в руках пистолет, а мужчина лишился оружия. И заложницы. Финальный свисток. Дело сделано.

Но нет. Потому что мужчина, наконец, выпрямился, посмотрел на Пайн и сплюнул.

– Думаешь, сумела меня взять? У меня девять жизней! – Он бросил яростный взгляд на девочку, которая смотрела на него с отвращением. – Я уже не помню, сколько таких, как ты, я поймел, а потом нарезал на куски и отдал диким животным. Я выйду на свободу и сделаю это еще много раз. Ты меня слышишь, сука из ФБР?

Пайн прекрасно понимала, что ей не следует поддаваться на провокацию. Но она уже приняла решение.

Посмотрела на небо, где сияла желто-красная луна.

Первая полная луна после осеннего равноденствия, которую также называют кровавой или луной охотника.

Или, точнее, луной хищника, и сейчас хищником стала я.

Пайн убрала пистолет в кобуру и шагнула вперед.

Она мысленно представила, что на нее смотрит великан Дэниел Джеймс Тор. Заклятый враг, порождение кошмаров. Но теперь она заставит его исчезнуть.

Мужчина торжествующе ухмыльнулся.

– Ты только что сделала огромную ошибку! – крикнул он.

– Неужели? – спросила она, понимая, каким будет его ответ.

– На случай, если ты не поняла, я мужчина. – И он бросился на нее, как разъяренный бык.

Через мгновение он отшатнулся с окровавленным лицом после сокрушительного удара сапога на длинной правой ноге.

– На случай, если ты не понял. Я намерена выбить из тебя дерьмо.

Она нанесла ему удар ногой в подбородок с такой силой, что он оторвался от земли. Удар ребром ладони, нанесенный точно в переносицу, заставил мужчину взвыть от боли, и он рухнул на спину, словно на него опустилась кувалда.

Однако схватка на этом не закончилась, Пайн уселась на него верхом, легко прижав руки к бокам, а затем обрушила на него серию ударов – кулак, локоть, предплечье, ладонь,

используя все техники, которым ее обучали на занятиях по смешанным боевым единоборствам и рукопашному бою.

Казалось, гнев, который она сдерживала почти тридцать лет, вырвался на свободу. Она чувствовала, как ломаются хрящи и кости лица, и одновременно слышала ангела ФБР, сидевшего у нее на плече и кричавшего, что она нарушает все правила Бюро. Однако Пайн не могла остановиться.

Сначала мужчина пытался сопротивляться, но потом потерял сознание, и его лицо стало быстро превращаться в кровавую пульсирующую массу. Она уловила идущую от него вонь, которая смешивалась с ее собственным потом. Это было тошнотворно и одновременно возбуждало.

Наконец уставшая Пайн медленно поднялась на ноги, ее лицо побледнело, руки и ноги слегка дрожали. Она вдруг почувствовала отвращение из-за того, что сделала, а ангел ФБР снова уселся у нее на плече. Пайн выдохнула, посмотрела на свои окровавленные руки и рукава пиджака, вытерла руки о брюки и подошла к девочке, но та отпрянула при ее приближении. Пайн остановилась, ей стало стыдно, что девочка ее испугалась.

– Ты в порядке? Он не причинил тебе вреда? Он что-то успел с тобой сделать?

Она покачала головой.

Когда сирены зазвучали совсем рядом, девочка посмотрела на мужчину.

– Он... умер? – спросила она.

– Нет. Просто... без сознания. – Впрочем, Пайн не была в этом уверена. Она присела на корточки. – Как тебя зовут?

– Холли.

– Холли, ты совершила очень храбрый поступок. Ты поняла, что именно я от тебя хотела. Это поразительно.

– У меня три брата. – Холли слабо улыбнулась. – Когда они начинают ко мне приставать, я могу сильно врезать.

Пайн положила руку девочке на плечо и сжала его.

– Я так рада, что с тобой все в порядке, – сказала она.

– Вы действительно агент ФБР? – спросила Холли.

– Да.

– Я не знала, что девушек туда берут. Я думала, такое бывает только, ну, вы знаете, по телевизору.

– Девушки могут делать все, что захотят. Никогда в этом не сомневайся.

Пайн выпрямилась, когда полицейские машины со скрежетом тормозов остановились в нескольких футах от них. Она посмотрела на окровавленного мужчину, неподвижно лежавшего рядом, потом достала свои документы и направилась к полицейским, чтобы объяснить, что произошло, в том числе причины, по которым она избивала мужчину до полусмерти.

И это может стать концом не слишком специального агента Этли Пайн.

Глава 3

Пайн подошла к запертой двери своего офиса в Шеттерд-Рок, штат Аризона, ближайшего к Большому каньону города. Эта ландшафтная жемчужина являлась единственным природным чудом в мире, находившемся в Америке, и Пайн обладала юрисдикцией над всеми федеральными преступлениями, совершенными здесь. Ее помощница, Кэрол Блюм, сидела за письменным столом в маленькой приемной. Ей было немногим за шестьдесят, и она проработала в Бюро несколько десятилетий на самых разных должностях. Мать шестерых взрослых детей, которые жили довольно далеко, приходила на работу рано, а уходила поздно. Как-то она сказала Пайн, что ФБР теперь стало ее жизнью, а хобби у нее не имелось. Она была высокой и привлекательной, с неизменно безупречной прической, почти не пользовалась макияжем, не носила ювелирных украшений и предпочитала строгую одежду.

– Как прошла твоя тренировка? – спросила Блюм.

Обычно Пайн на рассвете занималась в небольшом зале в центре Шеттерд-Рок, куда любили приходить любители тяжелой атлетики, сторонники минималистского стиля. Здесь отсутствовали кондиционеры, модные устройства, никто не надевал костюмов из спандекса. Только грифы, огромные стальные блины, стонущие люди, с яростью поднимавшие тя-

жести.

И очень много пота.

– Сегодня утром у меня не получилось. Вчера я вернулась из Колорадо позднее, чем рассчитывала, и решила утром поспать подольше. Предыдущая ночь вышла беспокойной. И меня никак не отпускает тревога.

Блюм с беспокойством на нее взглянула.

– А в чем дело?

– Зайдем в мой кабинет, я расскажу «замечательную» историю. О, кстати, возможно, у тебя появится новый босс.

Лицо Блюм оставалось таким же спокойным. Пайн нравилось, что этой женщине никогда не изменяло хладнокровие. За долгие годы работы в Бюро она успела многое повидать.

– Хочешь кофе? – спросила Блюм.

– Кэрол, ты не должна варить мне кофе, – проворчала Пайн. – У нас вырабатывается неправильный стереотип.

– Нет ничего дурного в моем предложении сделать тебе чашку кофе. Вот, если бы ты потребовала кофе, я бы почувствовала себя иначе. Я помню множество агентов мужчин, которые не раз устраивали скандалы из-за этого правила.

– И что ты делала, когда такое случалось?

– Уделяла больше внимания их обучению.

Она подошла к кофеварке «Кьюриг», стоявшей на шкафу у стены, и включила ее, одновременно доставая кофе с полки.

Когда она вошла в кабинет Пайн с чашкой горячего кофе в

руках, та уже сидела за письменным столом. Блюм поставила чашку рядом с ней, а сама села напротив своего босса.

Офис недавно отремонтировали, хотя Пайн и сказала строителям, чтобы они не трогали две вмятины на стене. Первая появилась там, когда человек, которого она допрашивала, попытался ее ударить. Он промахнулся, и его кулак врезался в стену. Вторая вмятина осталась после того, как Пайн швырнула посетителя головой в стену. Именно Блюм предложила ее не трогать, сказав, что такая картина стоит тысячи слов.

– Итак? – спросила Блюм. – Что произошло?

Пайн сделала глоток кофе.

– Пока я находилась в Колорадо, прозвучал «сигнал Эмбер». Я оказалась рядом и сумела догнать похитителя. И не дала ему сбежать с очаровательной маленькой девочкой по имени Холли.

– Но это же замечательно, агент Пайн. Тебя ждет награда. Какие тут могут быть проблемы?

– Ну, дело в том, что я немного увлеклась, когда пыталась взять его под контроль.

– Увлеклась? В каком смысле? – удивилась Блюм.

– Сейчас он в больнице, и, среди прочего, у него проломлен череп, – со вздохом ответила Пайн.

– Я уверена, ты сделала то, что была должна.

– На самом деле мне не следовало его избивать.

– А почему ты так поступила?

– Он попытался меня атаковать, и... весь мой негатив вырвался.

– Негатив?

– Я встречалась с Тором.

– Значит... возможно, ты атаковала Тора?

– Я могла остановиться. Мне следовало остановиться.

– Но ты же сказала, что он на тебя напал.

Пайн покачала головой.

– После того, как девочке уже ничего не угрожало, я сознательно обострила конфликт.

– Однако оценить твои действия в поле в такой момент будет совсем не просто.

– Бюро постоянно «оценивает» подобные действия, Кэрол.

– Это правда, – согласилась Блюм.

Послышался стук во внешнюю дверь, и женщины переглянулись.

– Волки уже у дверей? – спросила Пайн.

Через несколько минут Блюм привела в офис Пайн мужчину. Его звали Клинт Доббс, и он возглавлял ФБР в Аризоне. Ему было около пятидесяти, рост примерно шесть футов, приличное брюшко, седеющие волосы. Он находился настолько выше Пайн в иерархии, что она встречалась с ним только в тех случаях, когда происходила катастрофа. Она решила, что наступил именно такой момент. Однако ее удивило, что он приехал один. Обычно Доббс путешествовал в со-

провождении нескольких агентов. «Интересно, почему сейчас все иначе», – подумала она.

Доббс сел на стул напротив Пайн, которая встала, как только увидела начальника. Когда Блюм поднялась, чтобы уйти, Доббс махнул рукой.

– Ты можешь остаться, Кэрол.

Блюм быстро взглянула на Пайн, но осталась стоять возле письменного стола.

Доббс бросил непроницаемый взгляд на Пайн.

– Садись, – сказал он.

– Полагаю, речь пойдет о том, что произошло вчера вечером, – сказала она.

– Нет, если только ты не успела вышибить мозги еще кому-нибудь, о чем мне пока неизвестно, – резко сказал он.

– Нет, сэр, – тихо ответила Пайн. – Всего одному.

Доббс кивнул.

– Парень, которого ты поймала, известный педофил, его зовут Клиффорд Роджерс. Он вышел из тюрьмы всего шесть месяцев назад. Выпущен досрочно, сидел за похищение и изнасилование девятилетней девочки. Провел за решеткой всего девятнадцать лет. Очевидно, судебная система рвется по швам. Адвокат грязного мерзавца уцепился за какую-то нестыковку и сумел добиться своего. Кроме того, Роджерс подозревается в убийстве восьмилетней девочки, совершенном через две недели после того, как он оказался на свободе. Однако ее тело найти не удалось, и его пришлось отпустить.

На самом деле, речь идет еще о четырех жертвах, погибших более тридцати лет назад. Он настоящее чудовище, но закон никак не мог это доказать – за исключением обвинения в изнасиловании. Он похитил девочку, которую ты спасла, прямо с футбольного матча. Она была бы уже мертва, если бы ты не вмешалась. А теперь она дома, с семьей.

– Роджерс пришел в сознание? – спросила Пайн.

– Да.

– И?

– Он говорит, что ты избила его почти до смерти без всякой на то причины, – сказал Доббс.

– В самом деле?

– А что скажешь ты? – поинтересовался Доббс.

– Я делала свою работу. Быть может, слишком усердно.

– Понятно.

– Он считает иначе?

– Меня не слишком интересует, что говорит этот тип, – ответил Доббс, что удивило Пайн, ведь обычно ее начальник действовал в точном соответствии с инструкциями.

– Он подал на меня жалобу?

– Несомненно, собирается.

– Ну, он еще может передумать, – вмешалась Блюм.

Доббс бросил на нее пристальный взгляд.

– И что ты имеешь в виду, Блюм?

– Шесть лет назад, история со специальным агентом Вурхисом из Тусона.

– У тебя хорошая память, – заметил Доббс.

– Там было достигнуто взаимопонимание. Агент Вурхис сделал то, что следовало. И с тех пор принес немало пользы, – добавила Блюм.

– Что он сделал? – спросила Пайн.

– Скажем, пересек черту, – ответил Доббс, который некоторое время сидел с задумчивым видом. – Как тебе такой вариант: я поговорю с мистером Роджерсом и постараюсь убедить его, что подавать на тебя жалобу ему невыгодно?

– Я не хочу, чтобы вы приняли на себя ошибки, которые я совершила, – сказала Пайн.

– Именно по этой причине я предлагаю тебе такой вариант. Ты хороший агент. Я не хочу, чтобы эта история испортила твою карьеру.

– Вы думаете, Роджерс согласится? – спросила Блюм.

– Когда он попал в тюрьму в прошлый раз, то получил одиночное заключение, потому что попросил о нем, – сказал Доббс. – Если мы отправим его в общую зону с репутацией насильника и убийцы детей, он не продержится там и пяти минут. И он знает, что нам это по силам.

Блюм посмотрела на Пайн.

– Звучит, как хороший план.

– Однако обязательно должно быть внутреннее расследование, – заметила Пайн.

– Ты не воспользовалась оружием. Парень не умер. Роджерс не станет подавать жалобу. Насколько мне известно,

мэр в Колорадо готов сделать тебя почетной гражданкой.

– Хорошо, – с сомнением сказала Пайн.

Доббс выпрямился.

– Но я не стану ходить вокруг да около, Пайн. Ты вышла за пределы допустимого. По моим понятиям, у тебя имелся последний козырь, и ты его только что сожгла.

– Из чего следует, что внутреннего расследования не будет? – уточнила Пайн.

– Верно. На этот раз.

Пайн опустила глаза.

– Я это ценю, сэр. Я... мне казалось, что последствия будут куда хуже, – сказала она.

Он погладил подбородок.

– Ты уже очень давно не брала отпуск, верно?

– Отпуск, сэр? Ну, на самом деле, у меня была возможность передохнуть...

– Нет, тогда был не настоящий отпуск. Ты это знаешь, и я знаю. Во время отпуска людям обычно не грозит смерть, причем несколько раз.

– Да, у меня давно не было отпуска.

– Я каждый год отправляюсь ловить рыбу на мушку. Ни разу ничего не поймал, но всегда получаю огромное удовольствие.

– И насколько долгим будет отпуск?

Доббс встал, застегнул пиджак и направился к двери.

– Настолько, насколько тебе потребуется, Пайн. Кстати,

как прошел твой визит в тюрьму особо строгого режима Флоренс?

– Не слишком продуктивно.

– Ну, возможно, ты сможешь использовать свой отпуск с большей пользой. – Он замолчал и опустил глаза. – Мерзавец Роджерс напомнил тебе кого-то?

– Да, но только в одном аспекте.

– Дэниел Тор, вероятно, на несколько уровней выше.

– НБА против команды колледжа.

– Ну, он там на пожизненном. А ты нет. Однако, в некотором смысле, ты в таком же положении. Что ты сама думаешь?

– Я... очевидно, мне есть над чем поработать.

– Хороший ответ.

– И я полагаю, мне следует быть рядом, чтобы оказывать необходимую помощь, – вновь вмешалась Блюм.

Они посмотрели на нее.

– Это решать, Пайн, – медленно проговорил Доббс.

– Кэрол, ты не должна... – сказала Пайн.

– Нет, должна, – возразила Блюм.

– Ну, тут уж вы сами разбирайтесь. – Доббс кивнул женщинам и вышел.

Блюм смотрела на Пайн, а та на свою помощницу.

– Это произошло много лет назад, Кэрол, – сказала Пайн. – Очень много лет назад.

– Я видела, как ты раскрывала все дела, которые попадали

на твой стол. Быть может, пришло время покончить и с этим.

– Я уже трижды навещала Тора, – напомнила Пайн.

– Однако полной уверенности в том, что он имеет отношение к исчезновению твоей сестры, нет, – заметила Блюм.

Пайн посмотрела на свои руки.

– Я... не знаю, способна ли на это, Кэрол.

– Ну, если ты позволишь, я считаю, что ты должна. Как сказал агент Доббс, ты только что сожгла свой последний козырь. И ты не можешь покинуть Бюро – так или иначе. Тебе было суждено стать агентом ФБР.

– Но это не твоя проблема, – сказала Пайн, вставая из-за письменного стола.

– Я твоя помощница. И намерена тебе помогать. Так и будет.

Пайн улыбнулась.

– Ты очень добра, – сказала она, и ее взгляд стал задумчивым. – Ну, в таком случае, нам нужно сложить вещи в дорогу.

– В дорогу? – Удивилась Блюм.

– Назад во времени, Кэрол. Назад во времени.

Глава 4

– Я не забыла, что мы собирались вернуться назад во времени, – сказала Блюм, – но у меня такое ощущение, будто мы действительно шагнули в прошлое.

Пайн вела взятый напрокат внедорожник, Блюм сидела рядом, на пассажирском месте. Они прилетели в Атланту, затем немногим больше двух часов ехали на юг, в округ Самтер, точнее, в Андерсонвилль, штат Джорджия, с населением в 250 человек. И сейчас проезжали по потускневшей главной улице маленького городка.

– Когда-то, в семидесятые, мэр и его соратники решили превратить Андерсонвилль в туристический город, вернув ему вид времен Гражданской войны. Мы на Черч-стрит, которая тогда была центральной улицей. Железнодорожные пути пересекали ее под прямым углом, по ним доставляли пленных в тюрьму Андерсонвилля – последнее путешествие для многих.

– Тюрьма находится где-то рядом? – спросила Блюм.

Пайн остановила машину и указала вдоль улицы.

– Видишь следы ног, нарисованные на асфальте? Они символизируют последнюю четверть мили, которую заключенные проходили до тюрьмы. Вероятно, самая длинная прогулка в их жизни.

Блюм содрогнулась.

– Как ужасно.

– Город выделил участок площадью в семь акров, носивший название Ферма Пионеров, – продолжала Пайн. – У них имелась кузница, тюрьма, коптильня и завод по переработке сахарного тростника, среди других аттракционов. Вот указатель, сообщающий: «Добро пожаловать в Андерсонвилль, городок времен Гражданской войны».

Блюм прочитала и кивнула.

– А еще парк жилых автофургонов и ресторан, – добавила она.

– В год городок посещают около восьмидесяти тысяч человек, так что план мэра оправдался, – сказала Пайн. – Скоро здесь состоится одно из главных событий года.

– И что же это будет?

– Инсценировки сражений Гражданской войны. Реконструкции, так их называют. Потом будет парад с марширующим оркестром, которой пройдет по главной улице. Солдаты, одетые в синее и серое. Будут играть другие оркестры, танцы под музыку кантри, хороводы, много еды и выпивки. Шумное веселье. На празднике продают форму, ружья, флаги, сабли, лоскутные одеяла и тому подобное. И заплатить нужно всего четыре доллара.

– Откуда ты все это знаешь?

– Написано вон на том плакате.

Они обменялись быстрыми улыбками.

– Значит, туристы приезжают сюда именно за этим? –

спросила Блюм.

– Нет, еще, чтобы взглянуть на знаменитую тюрьму конфедератов, которая здесь находилась, – ответила Пайн.

– Посетить тюрьму? Это немного странно.

– Ну, эта тюрьма пользовалась самой печальной славой во времена Гражданской войны. Здесь умерло около тринадцати тысяч пленных Союза⁷. Также имеется Национальный исторический музей и огромное военное кладбище. Я читала, что тут находится что-то вроде центра пленных Гражданской войны. Начальника тюрьмы Генри Вирца повесили как военного преступника. – Пайн указала на высокий обелиск в центре улицы. – Это Монумент Вирца.

– Подожди минутку, преступник удостоился памятника?

– Его возвели «Объединенные дочери Конфедерации». Полагаю, они считали, что с Вирцем обошлись слишком жестоко, и он стал козлом отпущения. – Пайн немного помолчала. – Тор знает, что Вирца казнили. Он рассказал мне во время нашей первой встречи, когда я сообщила ему, что родилась возле Андерсонвилля.

– Значит, он был здесь? – уточнила Блюм.

– Да, когда пропала моя сестра, – сказала Пайн. – Он совершал убийства в Мейконе, Атланте, Колумбусе и Олбани. Вот почему мне пришло в голову, что он мог иметь отношение к исчезновению Мерси. А знал о Вирце потому, что чи-

⁷ То есть Соединенных штатов, лояльных президентской власти, в отличие от южных Конфедеративных штатов, Конфедерации.

тал обо мне перед тем, как я посетила его в первый раз. Возможно, именно тогда он многое про меня выяснил.

– Когда мы летели сюда в самолете, ты говорила, что после гипнотерапии он видится тебе в качестве похитителя твоей сестры?

Пайн кивнула.

– Но тут возникает проблема курицы и яйца. Я знала о существовании Тора до того, как прошла гипнотерапию. Вот почему это могло быть самореализовавшееся пророчество, когда я решила, что именно он похитил мою сестру. На самом деле, он указал на такую возможность во время нашей последней встречи. Но я и сама об этом думала.

Блюм содрогнулась.

– Я даже представить не могу, что оказалась бы в одном здании с таким существом, не говоря уже о том, чтобы с ним разговаривать.

– Он определенно обладает способностью забираться под кожу, – ответила Пайн. – Ловко переворачивает твои слова. Кажется нормальным, даже последовательным, хотя продолжает оставаться чудовищем.

– Жуткое дело. – Блюм вздохнула.

Пайн подумала об огромном мужчине, который так жестоко и страшно отнимал жизни у невинных людей.

– На самом деле, это сильное преуменьшение, – сказала Пайн.

– Так чем живет этот город? – спросила Блюм. – Неужели

только туризмом?

– Нет. В шестидесятых открылась шахта и нефтеперегонный завод. Каждую неделю товарные поезда вывозили отсюда тысячи тонн бокситов.

– Бокситов?

– Здесь их нашли в белой глине. Компания «Малкоа» занимается разработкой шахты. Прежде они производили алюминий. Теперь используют руду для изготовления шлифовальных материалов и для гидравлических разрывов пласта, чтобы добраться до нефти и залежей газа. Сейчас благодаря этим разрывам бокситы стали выгодным бизнесом. – Она указала на фасад здания, мимо которого они проезжали. – Музей Гражданской войны «У мальчика-барabanщика». У них хранится форма, флаги, ружья и другие артефакты.

– Приятно видеть, что Гражданская война все еще остается для некоторых источником дохода, – сказала Блюм. – Там, где я выросла, нам о ней так подробно не рассказывали.

– Ну, на Юге это как вторая Библия, – сказала Пайн.

– А где именно ты жила? – спросила Блюм.

– Я покажу.

* * *

Дорога, ведущая к ее старому дому, осталась прежней, по большей части, грунтовой, извилистой и пустой, с множе-

СТВОМ ВЫБОИН.

Блюм огляделась по сторонам. За последнюю милю они не видели ни одного дома.

– А как вы с Мерси развлекались? – спросила она. – Не думаю, что вам часто устраивали детские праздники.

– И у нашей мамы не было машины. Отец ездил на единственной нашей машине на работу на шахту. Поэтому мы ходили пешком. А когда стали старше, на велосипедах. Большую часть времени мы играли во дворе. На выходных мама возила нас в Америкус, где мы покупали продукты на неделю и другие мелочи. Школьный автобус забирал нас прямо здесь, – сказала Пайн, указывая на место перед старым расползшимся дубом. – Мерси исчезла, когда мы учились в первом классе.

У Пайн перехватило в горле, она закашлялась, сбросила скорость, сняла темные очки и смахнула слезы.

– Как давно ты отсюда уехала? – осторожно спросила Блюм.

Пайн ответила не сразу, постепенно пришла в себя и снова надела очки.

– Мы переехали довольно скоро после похищения Мерси. С тех пор я здесь не бывала.

– Ни разу?

Пайн покачала головой.

– У меня не было причин возвращаться, Кэрол.

– Пожалуй, я тебя понимаю. – Блюм ободряюще положи-

ла ладонь на плечо Пайн. – Ты говорила, что твой отец совершил самоубийство?

– В мой день рождения. Он засунул дробовик в рот и нажал на спусковой крючок.

– В твой день рождения, – повторила Блюм. – Как ужасно!

– Полагаю, таким странным способом он хотел дать понять, что он обо мне думал. Дело в том, что мои родители винили себя за то, что случилось с Мерси. А потом стали обвинять друг друга. Именно по этой причине они разошлись. Не вызывало сомнений, что оба были пьяны и под наркотиками в тот момент, когда Мерси похитили, а на меня напали.

– Какая же невыносимая вина их наполняла, – покачав головой, сказала Блюм.

Они описали дугу вокруг полуразрушенного дома из бруса, стоявшего в конце грунтовой дороги.

– Он выглядит заброшенным, – заметила Блюм.

– Но это не так, – возразила Пайн и показала на древний «форд», припаркованный за домом.

Он выглядел почти полностью проржавевшим. На крыльце спал толстый черный лабрадор с широким коричневым ошейником.

– Неужели здесь действительно кто-то живет? – спросила Блюм. – Складывается впечатление, что ветер и дождь разрушили дом.

Пайн нахмурилась.

– А сколько разрушенных домов ты видела в глухомани

Аризоны? – спросила она. – Люди живут всюду, где только можно.

– Это правда, – не стала спорить Блюм.

Они остановились у маленького двора, вышли из машины, и Пайн окинула взглядом единственный дом, в котором она жила в свои первые шесть лет. Он показался ей меньше, чем она помнила, но ведь так всегда бывает?

Входная дверь была открыта, крыльцо просело из-за сгнившего дерева и силы тяжести. Стекло в одном из окон треснуло, а рама покоробилась. Краска повсюду облупилась. Дворик был завален мусором. Из старой бочки объемом в пятьдесят галлонов торчали какие-то обломки. Очевидно, в ней сжигали мусор.

Собака зашевелилась, медленно поднялась на изуродованные артритом лапы и дважды слабо гавкнула. Морда лабрадора стала серой от старости и, казалось, пес едва держится на ногах.

– Привет, приятель, как поживаешь? – успокаивающе сказала Пайн.

Она медленно подошла к собаке, протянув кулак, позволила себя обнюхать, потом почесала лабрадора за ушами, и тот лизнул ее в ответ.

Пайн уселась на крыльцо, посмотрела по сторонам и погладила собаку по голове, Блюм встала рядом с ней.

– Интересно, кто здесь теперь живет? – проговорила она.

– Так я.

Они повернулись и увидели мужчину, который появился из-за дома. В руках он держал двуствольный дробовик «Ремингтон» двенадцатого калибра, который был направлен прямо на женщин.

Глава 5

Пайн встала с крыльца.

– Вы действительно здесь живете? – спросила она.

Ее глаза оставались спокойными, но она не сводила их с мужчины, а правая рука скользнула к оставшемуся в кобуре «Глоку».

Мужчина был высоким и худым, и, несмотря на седые волосы и бороду, казалось, будто он высечен из гранита. Из рта торчала сигарета. Голову украшала пропотевшая ковбойская шляпа, из-под нее торчали непокорные пряди снежно-белых волос. Над лицом немало поработали солнце и ветер, глубокие морщины избороздили щеки и лоб. Пайн решила, что ему сильно за шестьдесят, что противоречило крепким, как канаты, мышцам, которые не скрывала рубашка с коротким рукавом. Выцветшие джинсы плотно сидели на длинных ногах и узких бедрах. Пара старых сапог чудом держалась на ногах.

– Так и есть, из чего следует, что вы нарушаете право собственности, – сказал мужчина.

– Я жила в этом доме, – сказала Пайн, оглядываясь через плечо.

Мужчина немного опустил дробовик.

– Когда? – уточнил он.

– С середины восьмидесятых.

Он оглядел ее более внимательно.

– Должно быть, вы были тогда ребенком, – заметил он.

– Я и моя сестра.

Он посмотрел на Блюм.

– А это ваша мать?

– Нет, мой друг.

– Ну, и что вы здесь делаете? Осматриваете достопримечательности? Здесь нет ничего интересного. Кладбище и старая тюрьма конфедератов.

– Я вернулась, чтобы взглянуть на свой старый дом. Как долго вы здесь живете?

– Около трех лет. А кто вы такие?

– Я Этли Пайн. Это Кэрол Блюм.

Блюм продолжала изучать мужчину.

– А как зовут вас? – спросила она.

– Сайрус Таннер. Друзья называют меня Сай.

– Могу я называть вас Сай, хотя мы не являемся друзьями? – спросила Блюм. – И не могли бы вы направить дробовик в какую-нибудь другую сторону? У нас с подружкой крепкие нервы, но с оружием иногда происходят несчастные случаи.

– Что? О, прошу меня простить. – Он опустил дробовик и бросил на них нервный взгляд.

– Чего вы хотите?

– Просто осмотреться, – ответила Пайн. – Ностальгия, в чистом виде. Вы из Андерсонвилля?

– Нет, из Алабамы, а до того – Миссисипи, – ответил Сайрус.

– Значит, вы купили этот дом? – спросила Пайн.

Он рассмеялся.

– Проклятье, у меня не было денег на дом, даже такой полуразрушенный. Нет, я его арендую. – Он показал на толстого старого лабрадора, который улегся на землю. – Я и Роско. Верно, приятель?

Роско вяло показал желтые зубы, как будто обрадовался, услышав свое имя.

– Мы с Роско партнеры уже много лет. Лучший друг из всех, что у меня были. Превосходит в этом отношении людей.

– Вы не против, если я немного осмотрюсь? – спросила Пайн.

Сайрус бросил на нее быстрый взгляд.

– Тут не на что смотреть, – сказал он.

– Вы работаете на бокситовом руднике? – спросила Блум.

Теперь он бросил быстрый взгляд на нее.

– На руднике? Нет, я выполняю здесь мелкую работу. Хорошо разбираюсь в двигателях и тому подобных вещах. И еще могу починить все, что требуется лудить. За все беру наличными. Не люблю платить налоги. А так мне хватает, и у меня нет задолженностей по счетам. И у нас с Роско есть крыша над головой. А чем вы зарабатываете на жизнь?

Пайн достала значок.

– Я агент ФБР. Кэрол моя помощница.

Таннер в изумлении на них уставился.

– Федералы? Послушайте, относительно налогов...

– Я не имею отношения к Налоговой службе, и меня не интересует ваша философия относительно выплаты налогов. Или невыплаты.

– Ну ладно, – пробормотал он, однако сомнения так и остались у него на лице. – И зачем вы приехали сюда на самом деле? Не думаю, что это официальный тур по местам Гражданской войны, – добавил он со слабой улыбкой.

Прежде, чем ответить на вопрос, Пайн посмотрела на Блюм, потом вновь перевела взгляд на Сайруса.

– Мою сестру похитили из этого дома почти тридцать лет назад. Преступника так и не нашли. Сестру тоже. И вот я здесь, чтобы узнать правду.

Сигарета едва не выпала изо рта Сайруса.

– Срань господняя, значит, вы говорите правду? – пробормотал он.

– Полную правду, – ответила Пайн.

Он посмотрел на дом.

– Я ничего об этом не знал, когда здесь поселился.

– Вы и не должны были знать.

– Вы сказали, что ублюдка так и не удалось поймать?

– И найти мою сестру.

– Значит... вы здесь, чтобы отыскать улики и все такое?

Но прошло столько времени.

– Я здесь не для судебной экспертизы, если вы это имели в виду. Просто я хочу осмыслить то, что здесь произошло. И я подумала, что приезд сюда будет разумным первым шагом.

Сайрус положил дробовик на крыльцо.

– И вы хотите осмотреть дом?

– Это было бы замечательно. Вы уверены, что хотите оставить здесь дробовик?

– Проклятье, он даже не заряжен. Я его держу для вида. Ну, вы понимаете, отпугнуть кого-то, если потребуется.

– Здесь бывает много чужаков?

– В основном, молодежь, которая ищет место для выпивки и секса. Я ничего не имею против, но только не в моем доме.

Он провел их в гостиную. Оборванные обои свисали со стен длинными полосами, но в комнате имелось два больших предмета: желто-зеленое кожаное кресло и приставной столик с массивным старым телевизором; на грязном ковре виднелись следы мочи.

– У Роско проблемы с почками, – смущенно проговорил Таннер, когда его взгляд упал на пятна.

– А как здесь принимает телевизор? – спросила Блюм.

– Паршиво. Но я с ним сражаюсь. Иногда удается кое-что посмотреть. Главным образом, спорт. – Сайрус усмехнулся. – А, если передают новости, я просто выключаю звук. Они наводят ужасную тоску.

Пайн воспользовалась моментом, чтобы осмотреть комнату. Ей было трудно представить, что когда-то она здесь жи-

ла. Все здесь казалось ей совершенно чужим.

– А где вы с сестрой спали? – спросила Блюм.

Пайн указала в сторону лестницы.

– Наверху.

Таннер повел их к старым поцарапанным ступенькам из клееной фанеры, даже не покрытых ковром.

Теперь с каждым шагом Пайн все больше приближалась к той ужасной ночи 1989 года. Лестничная площадка перед дверью спальни приняла ее разум и душу и чуть ли не тело, возвращая их в то время. Она мгновение смотрела на закрытую дверь, словно та действительно могла оказаться порталом в другую вселенную, где она найдет ответы на все вопросы.

Только не ставить планку слишком низко.

– Вы можете войти, мадам, – предложил Таннер. – Там ничего нет. Я сплю на раскладном кресле внизу. Тут нет кровати.

Пайн вцепилась в дверную ручку так, словно только это и привязывало ее к земле, повернула ее и открыла дверь. Как только она вошла, комната и она сама переместились в конец восьмидесятых, к самому худшему моменту ее жизни.

Она мысленно увидела кровать, прикроватную тумбочку, дешевый светильник, комод, на нем они с Мерси держали кукол. И квадратный коврик с нарисованным маленьким пони из мультика. Крошечный шкафчик, где висела их немногочисленная одежда. Синий мячик, Пайн любила его пинать и

бросать, и платье маленькой балерины, которое Мерси обожала – балерина и более женственная из них двоих. Она носила платье, не снимая, и оно становилось невероятно грязным – белое превращалось в коричневое, и матери приходилось забирать его посреди ночи и стирать в раковине, потому что другого способа не было.

И, наконец, единственное окно в комнате. Через него Тор или кто-то, похожий на него, забрался внутрь и зажал руками в перчатках маленьким девочкам рты. А потом зазвучала считалка, сопровождавшаяся постукиванием по лбу каждой. Выбор пал на Мерси, кулак опустился на голову Пайн, проломил ей череп, и она осталась лежать – возможно, похититель решил, что она мертва. Утром к ним с трудом поднялась мать, покачиваясь от похмелья и травки. И тут только она узнала, что одна ее дочь исчезла, а другая находится на пороге смерти.

Поездка на машине скорой помощи в больницу, склоненные встревоженные лица, абсолютно белый потолок машины – быть может, первый взгляд на Небеса – бег медицинского персонала с каталкой по больнице. Укол иглы, анестезия, потеря сознания, операция на черепе, хотя она, конечно, не могла об этом знать, а потом долгое, пугающее выздоровление. Пугающее, потому что она не понимала, что с ней произошло.

Возвращение домой, где Пайн обнаружила, что Мерси все еще нет, а ее родители безутешны. Они были не в состоянии

говорить о другой дочери, не выпускали Пайн из вида, но не имели сил ее обнять или поговорить о том, что случилось. Тяжелая туча вины повисла над их уменьшившейся семьей.

– Агент Пайн?

Пайн оторвалась от воспоминаний – примерно так она приходила в себя после операции – мгновенно проснулась, ее переполняло любопытство, но была все еще сбита с толку, словно слишком быстро поднялась с большой глубины, и внутри у нее находилось нечто потенциально опасное.

Блюм с тревогой на нее смотрела.

– Ты в порядке? – спросила она.

Пайн кивнула.

– Просто кое-что вспомнила.

– Полезное?

Пайн пересекла комнату, подошла к окну и посмотрела вниз.

– Лестница, – ответила она. – Похитителю требовалась лестница, чтобы сюда забраться.

– Лестницу удалось найти? – с любопытством спросил Таннер.

– Нет, – ответила Пайн. – Насколько мне известно. Мне было шесть лет. Полиция со мной практически не разговаривала. Во всяком случае, после того, как они поняли, что я не могу им помочь.

– А подозреваемые были? – спросила Блюм.

– Мой отец стал первым и, пожалуй, единственным, – от-

ветила Пайн.

Блюм и Таннер переглянулись.

– Вы думаете, он мог сделать такое со своими детьми? – спросил Таннер, который явно в это не верил.

– Нет. Это не отец. Я бы его узнала. И зачем ему было влезать в окно? Тем вечером они выпивали и курили травку. Он не сумел бы подняться на второй этаж по ступенькам, не говоря уже о лестнице. И я видела, как мужчина забрался в окно, но тогда не смогла его описать.

– Но полиция тебе не поверила, – сказала Блюм. – Они продолжали считать твоего отца подозреваемым?

– Именно по этой причине нам пришлось отсюда уехать, – сказала Пайн. – Все в городе думали, что это сделал он, хотя против него не существовало никаких улик.

– Ваш отец?

– Он мертв.

– А мама?

Пайн не стала отвечать сразу. В некотором смысле, тайна матери заслоняла собой даже исчезновение Мерси, во всяком случае, в ее глазах. Блюм с любопытством посмотрела на нее, но Пайн, казалось, ничего не заметила.

– Я бы не хотела об этом говорить, – наконец, сказала Пайн.

Она закрыла окно после того, как, покопавшись в памяти, вернулась в ту ночь, чтобы попытаться подтвердить для себя, что именно Дэниел Тор влез в окно. Результат получился

таким, как она и предполагала: уверенности у нее не появилось.

Они спустились вниз, Пайн присела на крыльцо и погладила Роско по голове.

– Вы ему нравитесь, – одобрительно сказал Таннер. – Роско хорошо разбирается в людях. Так уж получается, что, когда я привожу сюда тех, кто не вызывает у него симпатии, они больше не возвращаются. Да, старина Роско помогает мне не принимать глупых решений, и теперь я совершаю заметно меньше неразумных поступков.

– Да, такой Роско не помешал бы мне много лет назад, – призналась Блюм.

Они с Таннером обменялись многозначительными взглядами.

– Спасибо, что позволили осмотреть дом, – сказала Пайн, поднимаясь с крыльца.

– Вы собираетесь долго пробыть в городе? – спросил Таннер.

– Столько, сколько потребуется, – ответила Пайн.

– Ну, тогда мы можем еще встретиться. Мы с Роско почти каждый день едим в маленьком кафе на главной улице. Оно называется «Темница» – в честь тюрьмы, наверное. Хорошая кухня и дешевое пиво.

– В таком случае, мы можем там встретиться, – сказала Блюм.

Таннер приподнял шляпу, прощаясь, полностью открыв

густые волнистые волосы, и широко улыбнулся.

Они сели во внедорожник и поехали обратно в город.

– Мне всегда было интересно, что стало с ковбоем Мальборо, – сказала Пайн. – Теперь я знаю.

– А он симпатичный, – заметила Блюм, глядя в зеркало заднего вида на стоявшего у дома Таннера. – Настоящая грубая мужская красота. Могу спорить, он выкуривает две пачки в день, а это все равно, что восемь для двадцатилетнего.

– Если он хочет сохранить здоровье, ему следует бросить курить, – сказала Пайн.

– Ну, это только усиливает его загадочность плохого парня.

– Тебе следует себя контролировать, Кэрол.

– Я всегда держу все под контролем, агент Пайн. Это неизбежно становится привычкой любой матери шестерых детей. И, если тебе удастся сохранить разум, бояться больше нечего.

– Я тебя проверяла.

– Значит, ты не хочешь говорить о своей матери?

Пайн собралась что-то ответить, но в последний момент передумала. Казалось, она изменила внутреннее отношение к этому вопросу.

– Я знаю, что стало с моим отцом, – наконец, ответила Пайн. – Но мне ничего неизвестно про мать.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, как она умерла?

– Мне кажется, что моя мать еще жива.

- Но ты не знаешь, где она сейчас?
- Верно.
- А ты пыталась ее найти?
- Много раз. И терпела неудачу.
- Но ты же агент ФБР. Как такое может быть?
- Хороший вопрос, Кэрол. Хороший вопрос.

Глава 6

Они заказали номера с завтраком в мотеле, который находился рядом с центром Андерсонвилля – большой старый дом, перестроенный, чтобы принимать гостей. Он назывался «Коттедж».

Обычно Пайн брала с собой мало вещей – была из «односумочных». Но в эту поездку взяла второй небольшой чемодан. Пайн поставила его на кровать, открыла и посмотрела на странный набор предметов, аккуратно сложенных внутри.

Там лежали – вместе с фотографией с Мерси – все, что осталось от ее родителей. Галстук-бабочка отца. Цепочка для ключей с логотипом компании, добывавшей бокситы. Дюжина подставок для бокалов, которые они с Мерси использовали в качестве импровизированных шашек. Лавандовая расческа матери. Кольцо и пара сережек, обычная бижутерия, но драгоценная для нее. Маленький сборник стихов. Перочинный нож отца с инициалами. Книжка комиксов с «Чудо-женщиной». Треснувшая чашка.

И еще... она достала маленькую куклу с вмятинами на лице, оставшимися после того, как она полежала в чемодане, и поправила прядь фальшивых волос, чтобы они не закрывали правый глаз. Это была ее кукла Скитер из «Маппет-шоу».

У Мерси была такая же, только ее звали Салли. Пайн хотела, чтобы Мерси назвала свою куклу Скутер, потому что

Скитер была его сестрой-близнецом. Но Мерси даже слышать об этом не хотела из-за того, что Скутер был мальчиком. Пайн улыбнулась детским воспоминаниям.

Довольно давно она едва не выкинула эти вещи. Но в последний момент что-то ее остановило, хотя Пайн не понимала, что именно. Она медленно сложила все обратно в чемодан и застегнула молнию.

Она встретилась с Блюм в гостиной, и они отправились обедать в кафе «Темница», которое им порекомендовал Таннер.

Они пешком дошли от «Коттеджа» до главной улицы, привлекательной своей необычностью, но немного неухоженной. Вечер выдался приятный и прохладный, и вокруг было множество гуляющих. Пайн поняла, что многие из них туристы, потому что они постоянно брались за фотоаппараты или чаще за телефоны и фотографировали витрины магазинов, оригинальные дома, скульптуры или знаки, попадавшиеся у них на пути.

Когда Пайн и Блюм подошли к кафе «Темница», они увидели веселую вывеску с силуэтом мужчины, сидящего за решеткой, и разноцветный навес над входом. Надпись старинным шрифтом в окне сообщала:

**ХОРОШАЯ КУХНЯ ЗА ЧЕСТНУЮ ЦЕНУ,
И НЕ ТРЕБУЕТСЯ СИДЕТЬ В ТЮРЬМЕ.**

Они вошли внутрь, молодая женщина со светлыми волосами, собранными в хвост, черной блузе, доходившей до бедер, темных джинсах и балетках проводила их к столику, и они принялись изучать меню, в котором имелся богатый выбор говядины и овощей. Пайн также заказала разливное пиво, а Блюм джин с тоником.

– Симпатичное место, – сказала Блюм, оглядывая полный зал. – Складывается впечатление, что здесь обедает чуть ли не весь Андерсонвилль.

– Я думаю, сюда редко заходят туристы, – добавила Пайн. Они сделали заказ официантке с мрачным голосом, усталым лицом и седыми волосами.

– Ты хорошо помнишь город? – спросила Блюм, когда они принялись за выпивку.

– Не слишком, – ответила Пайн. – Этого заведения здесь не было. И мы не часто ездили в Андерсонвилль. Однако он изменился не так уж сильно, во всяком случае, насколько я помню. Не думаю, что тогда в городе процветал туристический бизнес, посвященный Гражданской войне, но, даже если что-то и было, то совсем не так активно.

– Ну, каждый город должен использовать то, что у него есть. Маленькие местечки просто стараются выжить.

– Маленькие местечки созданы для людей, пытающихся выжить.

Позднее, когда они уже почти закончили есть, появился Сай Таннер, который окинул взглядом зал. Его сопровожда-

ла пожилая женщина. Он заметил Пайн и Блюм и поспешил к их столику вместе с женщиной, медленно шедшей за ним.

Блюм ему улыбнулась.

– Привет, Сай, а где Роско?

Он улыбнулся в ответ и приподнял шляпу.

– Привет, Кэрл. Старина Роско остался снаружи, жует резиновую кость и выступает в качестве неофициального зазывалы. – Потом он повернулся к пришедшей вместе с ним женщине. – Это Агнес Ридли. – Он выжидательно посмотрел на Пайн. – Она помнит вашу семью, агент Пайн.

Пайн бросила на женщину любопытный взгляд. Ей было сильно за семьдесят, сквозь редкие седые волосы проглядывала розовая кожа. Маленькая, пухлая, с добрым лицом, одета во фланелевую рубашку, потертые джинсы и неуклюжие ортопедические туфли белого цвета. В голубых глазах за стеклами очков в роговой оправе поблескивали оттенки серого.

– Пожалуйста, присаживайтесь, миссис Ридли, – предложила Пайн.

– Мне бы не хотелось вам мешать, – извиняющимся голосом ответила Ридли.

– Вы нам не мешаете. Пожалуйста, мы уже практически закончили.

Они уселись за столик, и Пайн снова внимательно посмотрела на женщину.

Ридли тоже не спускала с нее глаз, полных робкого удив-

ления, словно она не могла поверить, что перед ней действительно Этли Пайн.

– Наверное, вы меня не помните, – наконец, заговорила Ридли. – А я видела, как вы росли. Вы и ваша сестра были высокими.

– Я пытаюсь вас вспомнить, но...

– Ну, вы не называли меня тогда миссис Ридли, – сказала пожилая женщина. – Вы говорили «мисси Агги».

В глазах Пайн появилось понимание.

– Теперь я вспоминаю, – сказала она.

– Как мило, – ответила довольная Ридли. – Мы жили в нескольких милях отсюда, но здесь, в округе Самтер. Я познакомилась с вашей матерью в церкви. У меня не было своих детей, поэтому я часто приходила посидеть с вами и вашей сестрой.

Глаза Пайн широко раскрылись.

– Со мной и Мерси?

– Да, дорогая. И я хорошо знаю имя Этли. У меня была тетя с таким именем. Мы называли вас Ли. Но я не знала ни одного человека по имени Мерси.

– Меня называли «Ли» до тех пор, пока я не отправилась в колледж.

Лицо Ридли сморщилось.

– Вы были удивительной парой, – сказала она. – Никогда не разлучались. И никто не мог отличить вас друг от друга.

Блум посмотрела на Пайн.

– Однайцевые близнецы, – сказала Блюм. – Я не знала. Ты никогда не говорила. – В ее голосе прозвучала легкая обида.

– Я... никогда не могла спокойно об этом говорить. – Пайн помолчала, и выражение ее лица смягчилось. – У моей сестры вот здесь была крапинка, – продолжала она, прикоснувшись к щеке рядом с носом. – А у меня нет. Мерси говорила, что Бог ее поцеловал, потому что она появилась на свет первой, и поцелуй превратился в крапинку.

– Звучит чудесно, – сказала Блюм.

Пайн повернулась к Ридли.

– Значит, вы помните моих родителей? – спросила она.

Улыбка Ридли погасла.

– Я знала и очень любила вашу маму, Ли. – Она тут же поправилась. – Я хотела сказать, Этли.

– Ли меня вполне устроит, миссис Ридли.

– Конечно, я была старше. Но мы с вашей матерью дружили. Джулии приходилось много работать, чтобы сводить концы с концами, она выполняла самые разные поручения и посещала встречи, поэтому ей требовалась проходящая няня. А вашего отца я знала не слишком хорошо. Но он, конечно, любил своих маленьких девочек.

– Но как моя мама попадала в разные места? – спросила Пайн. – Ведь, насколько я помню, у нее не было машины.

– Я позволяла ей брать мой старый пикап «Додж», – ответила Ридли. – На нем я обычно приезжала. Она не могла

платить много, и я редко просила деньги. У моего мужа была хорошо оплачиваемая работа. Мы ни в чем особо не нуждались. – Она замолчала, и ее лицо сморщилось еще сильнее, как цветок, превращающийся обратно в бутон. – Моя «плата» состояла в общении с вами.

– Как жаль, что я не жила рядом, – вмешалась Блюм. – У меня шестеро детей, и все, конечно, когда-то были младше двенадцати. Большую часть времени я себя чувствовала так, будто попала под грузовой поезд.

– А вы помните, что тогда произошло? – спросила Пайн, не сводившая глаз с Ридли.

Пожилая женщина медленно кивнула головой.

– Да, помню. Это очень сильно ударило по жителям города. Никогда прежде здесь не случилось ничего подобного. И, благодарение Господу, потом тоже.

– А что вы можете рассказать о тех событиях? – спросила Пайн. – Я была очень маленькой, и в моих воспоминаниях много пробелов. К тому же взрослые не говорили со мной о похищении сестры.

– Ну, я уверена, что они очень тревожились из-за того, как случившееся на вас повлияло. Я ходила в больницу, чтобы помочь вашей матери. Она практически не отходила от вас, пока вы там находились.

– Я помню, как проснулась и увидела маму.

– Она была совершенно уничтожена. Потеряла одну дочь и едва не лишилась второй. Я не знаю, понимаете ли вы, на-

сколько были близки к смерти, Ли.

– Нет, я не знала. А что относительно исчезновения Мерси?

– Наверное, вам известно, что полиция находилась в таком же недоумении, как и все мы.

– Шериф Дальтон из округа Мейкон. Конечно, я не запомнила его имя. Просто потом посмотрела документы.

– Он уже умер, но один из его помощников стал шерифом в Мейконе.

– Какой именно?

– Дейв Бартлс. Он одним из первых приехал на вызов вашей матери по девять-один-один. Я знаю, потому что Джулия позвонила мне, и я сразу бросилась к вам. Сейчас он уже собирается на пенсию.

– Но мы ведь находимся в округе Самтер, – заметила Блюм. – Почему этим делом занималась полиция Мейкона, а не городская?

Пайн посмотрела на Блюм.

– У Андерсонвилля нет собственной полиции. За город отвечает департамент шерифа округа Самтер. Мы жили совсем рядом с границей округа Мейкон, поэтому расследование вел департамент шерифа Мейкона.

Ридли кивнула.

– Они призывали на помощь полицию штата. И ФБР.

– Потому что это было похищение, – объяснила Пайн.

– Да, наверное, – сказала Ридли. – Сай говорил мне, что

вы работаете в ФБР. Я... полагаю, вы стали агентом в том числе из-за того, что случилось с вашей сестрой.

– Да, вы правы.

Возможно, даже в большей степени, чем я сама думала.

Ридли тяжело вздохнула, не спуская глаз с Пайн.

– Ну, если коротко, полиция считала, что это сделал ваш отец, – сказала она.

– Я говорила им, что это был не он.

– Я знаю, что ваш отец не имел никакого отношения к похищению. На самом деле у них не было никаких улик против Тима, а потом вы уехали.

– Не думаю, что у нас оставался выбор. Моего отца уволили из шахты. Мы бы здесь не смогли выжить.

– Дело в том, Ли, что вся ваша семья исчезла посреди ночи.

– Я помню, что мы уехали очень быстро однажды ночью, но вы хотите сказать, что мои родители никого не предупредили?

– Нет, никто ничего не знал. Сегодня вы были здесь, а завтра – исчезли. Это произошло всего через несколько месяцев после того, как вас выписали из больницы. Я пришла к вам, чтобы вас проведать, и обнаружила, что дом опустел. У вас было совсем немного вещей, но там не осталось совсем ничего. Только несколько предметов мебели. Должно быть, ваши родители арендовали большой трейлер или что-то в таком же роде. Я не верила своим глазам. Они не оста-

вили даже записки. Никому не сказали ни слова. И с тех пор никогда со мной не связывались.

Пайн задумчиво покачала головой.

– Я не знаю, почему они так поступили, – тихо проговорила она.

– Сай сказал, что ваш отец мертв, – продолжала Ридли. – Мне очень жаль. Как я уже говорила, я плохо знала Тима. Но он мне нравился. А Джулия жива?

– Я... не уверена, – ответила Пайн.

Ридли заметно удивилась.

– Вы не общались с ней в последнее время? – спросила она.

– Я не видела ее много лет.

– А родители ничего тебе не объяснили, когда вы отсюда уехали? – вмешалась Блюм, которая видела, как неловко чувствует себя Пайн. – Хотя бы куда вы направляетесь?

– Я помню новый дом, потом я начала ходить в школу и узнала, что нахожусь в Южной Каролине. Примерно в пятидесяти милях от Колумбии.

– Боже мой, – пробормотала Ридли.

– Мне было всего шесть. Вероятно, родители считали, что для меня не имело значения, где жить, – немного смущенно сказала Пайн. – А после этого мы переезжали еще несколько раз.

– Пока они не развелись? – спросила Блюм.

– Да.

Не вызывало сомнений, что ей не хочется обсуждать свое прошлое с двумя незнакомыми людьми и даже с Блюм.

Все молчали, Пайн смотрела в стол, чувствуя, как ее лицо заливают краска.

– Полагаю, вы вернулись, чтобы выяснить, что тогда произошло? – наконец спросила Ридли.

– Мне следовало так поступить много лет назад, – ответила Пайн.

Ридли некоторое время на нее смотрела.

– Ли, а ты когда-нибудь слышала фразу: «Не буди спящую собаку»? – тихо спросила она, переходя на «ты» и бросив нервный взгляд на Таннера.

– Слышала, конечно. – Пайн кивнула. – Но к данной проблеме она не относится.

– Почему?

– Потому что моя сестра, возможно, еще жива.

– Ты... действительно так думаешь? После стольких лет?

– Да, шансов очень немного. Но в моей жизни мне довольно часто удавалось добиться успеха, когда шансов было совсем мало.

Ридли оглядела ее с головы до ног.

– Пожалуй, мне понятен такой подход, – кивнула она. – Иными словами, ты хочешь узнать правду. Какой бы она ни оказалась.

– Верно, – подтвердила Пайн.

– А что, если правда состоит в том, что это сделал твой

отец?

– Тогда мне придется принять этот факт. Но не сейчас.

– И как вы намерены искать негодяя? – вмешался Таннер.

– Существует стандартный протокол расследования старых нераскрытых дел, – ответила Пайн. – Начинать следует с изучения уже имеющихся архивных записей, искать несоответствия, которые никто не заметил прежде.

– Значит, вы намерены поговорить с Дейвом Бартлсом? – спросил Таннер.

– Да, – кивнула Пайн и посмотрела на Ридли.

– Уже многие знают, что ты вернулась в город, – сказала та.

– С того момента, как мы остановились в «Коттедже»? – спросила Блюм.

– Хозяйку зовут Глэдис Грэм, а она любит посплетничать, – с улыбкой сказала Ридли. – Вот только теперь она больше не Глэдис. Кажется, ей не слишком нравилось это имя. – Ридли рассмеялась. – Взгляните на меня. Многие ли родители в наше время называют детей Агнес?

– И как ее зовут теперь? – поинтересовалась Пайн.

– Лорен, – ответила Ридли.

– А второе имя?

– Нет, только одно. Наверное, она решила, что это будет здорово – ну, вы знаете, как у известного модельера с седыми волосами.

– Вы имеете в виду Ральфа Лорена? – спросила Блюм.

– Да, речь о нем, – кивнула Ридли. – Она все сделала по закону. Так или иначе, нам здесь не требуются социальные сети. Глэдис – это «Фейсбук» и «Твиттер» в одном флаконе. – Ридли положила маленькую пухлую ладонь на руку Пайн. – Дорогая, ты действительно хочешь нырнуть в прошлое?

Пайн бросила яростный взгляд на старую женщину.

– Не думаю, что у меня есть выбор, если я хочу иметь будущее.

Глава 7

Пайн и Блюм шли через вестибюль «Коттеджа», когда услышали незнакомый голос:

– Думаю, вы меня не помните.

Они обернулись и увидели, что к ним направляется женщина на вид лет сорока пяти, стройная и хорошенькая, с коротко подстриженными рыжими волосами, она шла легко и пружинисто. Темно-зеленые брюки красиво контрастировали с волосами, тонким черным поясом, белой блузкой с открытой шеей и туфлями на высоком каблуке.

– Меня зовут Лорен Грэм, – представилась женщина, протягивая Пайн руку. – Я училась в средней школе, когда вы и ваша семья здесь жили. Извините, что меня не было, когда вы регистрировались в мотеле.

Пайн пожала ей руку.

– Боюсь, я вас действительно не помню.

– Тут нет ничего удивительно, вы были тогда совсем маленькой.

Две женщины с некоторым смущением смотрели друг на друга, продолжая стоять совсем рядом.

– Полагаю, город представляется вам чем-то сюрреалистическим, – проговорила Грэм.

– Ну, мне показалось, что он не слишком изменился.

– В некоторых отношениях, да. Но есть аспекты, в кото-

рых произошли заметные перемены.

Пайн кивнула и подхватила мысль.

– Наверное, все места меняются, хотим мы того или нет, – сказала она, откашлялась и перешла на более деловой тон: – Вы бывали у нас дома, когда мы здесь жили?

– Я помогала вашей матери со стиркой, иногда ходила за покупками. Однако вас с сестрой я видела не слишком часто. От случая к случаю, даже не каждую неделю. Но я была рада, что получила работу.

– За обедом я встречалась с Агнес Ридли.

– Да, все верно. Она работала няней у вас с Мерси.

Пайн было странно слышать, что о ее сестре говорят так, словно она прожила свою жизнь, как и все остальные.

– Я удивилась, когда узнала, что вы вернулись, – призналась Грэм. – Когда ваша семья уехала, я не думала, что кто-то из вас снова здесь появится. Только не после той ужасной ночи.

– Насколько я понимаю, мы просто взяли и уехали посреди ночи?

Грэм ответила после небольшой паузы.

– Я помню, что ваш отъезд на несколько дней стал темой разговоров в городе. Не осталось никаких следов, что вы здесь жили. И никто никогда больше не слышал о ваших родителях.

– Агнес Ридли сказала нам то же самое. Должно быть, все были потрясены.

– Послушайте, я не виню ваших маму и папу. Люди говорили крайне неприятные вещи. Это было отвратительно. На их месте я бы тоже переехала. Никто не захочет слушать такое дерьмо, в особенности после ужасной потери.

– Люди говорили разные гадости из-за того, что винили в случившемся моего отца?

– Или это, или они считали, что его больше интересовали пиво и травка, чем дети. Но я так никогда не думала.

– И почему?

– Они совершили одну ошибку, и кто-то этим воспользовался. Невозможно следить за детьми двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. Они очень любили вас и Мерси. Ваша мать скорее умерла бы, чем допустила, чтобы с ее девочками что-то случилось.

Казалось, Пайн это заявление поразило.

– Я... никогда не говорила с ней об этом, – сказала она. – Мама не хотела... возвращаться к тем событиям, так мне кажется.

– Пожалуй, я могу ее понять. Но я уверена, что у вас миллион вопросов, на которые вы хотели бы получить ответы.

Грэм посмотрела на значок ФБР на бедре Пайн.

– Вы агент ФБР. Очень впечатляюще.

– Вы это поняли, как только посмотрели на значок?

– Я набрала ваше имя в «Гугле» после того, как вы сняли номер. Узнала фамилию.

– Мне нравится моя работа.

– А где вы сейчас живете?

– В Аризоне.

Грэм погрузилась.

– Никогда не бывала. Говорят, там красиво.

– Так и есть, – вмешалась Блум, когда увидела, что Пайн не собирается отвечать. – Совсем не так, как здесь. Но и эта часть страны имеет свое очарование.

Пайн посмотрела на нее.

– Прощу меня простить, я забыла о манерах, – извинилась она. – Это Кэрол Блум, моя помощница.

– Привет, Кэрол. – Грэм улыбнулась. – На самом деле я нигде толком не была. Я посещала колледж государственного университета юго-западной Джорджии. Некоторое время работала в Атланте в гостиничном бизнесе, потом вернулась сюда.

– Вы замужем? – спросила Пайн.

– Была, но сейчас разведена. Я купила мотель и начала свой маленький бизнес. Сюда в основном приезжают туристы, чтобы взглянуть на тюрьму, но это позволяет мне платить по счетам и жить дальше. Прежде у меня были большие амбиции, но сейчас все устраивает. Хотя я бы хотела попутешествовать. И, кто знает, могла бы снова выйти замуж.

– Очаровательный дом, – сказала Блум, оглядываясь по сторонам.

– Благодарю вас. Я здесь выросла.

– Что? – удивилась Блум. – Это дом вашей семьи?

– Мой и моих четырех братьев и сестры, – ответила Грэм. – Наши родители довольно давно умерли. Братья и сестра не захотели дом. Ну и все сошлось. Я сэкономила деньги, выкупила у них дом и рискнула. – Грэм повернулась к Пайн. – Полиция так и не выяснила, что случилось с вашей сестрой, верно?

– Да, – кивнула Пайн.

– И сейчас вы пытаетесь это изменить?

– А что вы помните о тех событиях?

Грэм посмотрела на Блюм.

– Вы обе не хотите кофе? Я только что сварила свежий. Здесь немного прохладно. Мы можем устроиться на боковой террасе, где у нас подают бесплатный завтрак.

Пайн и Блюм перешли на террасу и осмотрелись по сторонам.

У стены стояла большая застекленная горка, доходившая почти до самого потолка. Внутри была выставлена коллекция кукол, некоторые довольно большие, почти в натуральную величину, другие маленькие, и все одеты в старомодные платья.

Блюм подошла ближе, чтобы их рассмотреть.

– Они очень милые. Старинные. Самая большая совсем не кукла. Она больше похожа на манекен. Стоило немалых денег собрать такую коллекцию, – заметила она.

– Я вижу, вы обратили внимание на мою скромную коллекцию.

Они повернулись и увидели, что Грэм появилась в дверном проеме с подносом, на котором стояли кофейник и тарелка с сахарным печеньем. Они уселись за стол, Грэм разлила кофе и взглянула на горку.

– На самом деле их начала собирать моя мать, – сказала она. – Когда я была маленькой, они были моими друзьями из мира фантазий. Я всем дала имена и придумала истории и... ну, они казались мне живыми. – Она опустила глаза, немного смутившись.

– У детей очень живое воображение, – дипломатично сказала Блюм, а Пайн бросила на Грэм странный взгляд.

– Ну да, у меня с этим было не слишком хорошо, – негромко сказала она.

Пайн взглянула на Блюм и снова сосредоточилась на Грэм. «Она выглядит нервной и взволнованной», – подумала Пайн. Она понимала, что в жизни Грэм редко происходили необычные события, и воспоминания о таинственном похищении вносили в нее разнообразие.

– Я о том дне, – напомнила Пайн.

– Я была потрясена, все говорили только о похищении вашей сестры, – начала свой рассказ Грэм. – Под рев полицейских сирен вас отвезли в больницу. Потом пригласила ФБР из Джорджии. Да, здесь побывали агенты из Бюро, – добавила она, глядя на значок Пайн. – Я отправилась к вам, чтобы как-то помочь. Дома находился только ваш отец, мать осталась с вами в больнице в Америкусе. – Она выглядела сму-

щенной. – Возле дома собралась толпа зевак. Я считала, что это неправильно. Но я пришла, помочь, – быстро добавила она.

Она немного помолчала, сделала глоток кофе, поглядывая на Пайн и Блюм, словно хотела оценить их реакцию на свои слова.

– Вы видели моего отца? – напряженным голосом спросила Пайн, что заставило Блюм на нее взглянуть.

Пайн и сама не понимала, что сейчас чувствовала. Она оказалась не готова к эмоциональному воздействию возвращения сюда, а ведь слово «подготовка» всегда являлось ключевым в ее жизни.

Так почему же я ошиблась?

– Ваш отец... – тихо начала Грэм, – ну, Тим немного выпил. И разве можно было его винить? Ну, я хочу сказать – после того, что случилось?

– И?..

– И подрался с одним мужчиной. К счастью, кто-то успел их разнять.

– А почему у дома не было полиции? Это же место преступления. Его требовалось оцепить. Там даже моему отцу не следовало находиться.

Грэм наблюдала за Пайн из-под полуприкрытых век.

– Из-за того, что он был подозреваемым?

– Да. Более того, единственным подозреваемым.

– Я думаю, вы правы. Насколько мне известно, других по-

дозреваемых так и не появилось. – Она замолчала и смущенно посмотрела на Пайн.

– Но я же сказала полиции, что это был не мой отец.

– Вы были тогда ребенком, Ли.

– Теперь все называют меня Этли.

– Ладно, Этли. Вы получили ужасную травму и смогли им хоть что-то сказать только через неделю. Похититель так сильно вас ударил, что проломил череп. – В глазах у Грэм появились слезы.

– Значит, мне не поверили, когда я сказала, что мой отец ни при чем? – уточнила Пайн.

Ей вдруг показалось, что нечто проглотило ее целиком, и она погружается в жуткий навоз, созданный ею самой.

Блюм посмотрела на Пайн и решила взять разговор в свои руки.

– А что еще вы помните, Лорен? – спросила она.

– Им пришлось пригласить ФБР, когда стало очевидно, что местная полиция, как и полиция штата, не могут раскрыть преступление, – сказала Грэм.

– Иными словами, у них не имелось никаких улик против отца агента Пайн, хотя он оставался единственным подозреваемым? – уточнила Блюм.

– Здесь у нас случаются преступления. Как и в те времена. Но только не похищения. И не убийства. Сегодня это либо драки между пьяными или наркоманами, или кражи. Тогда Джулия Пайн клятвенно заявила, что ее пьяный муж валял-

ся на полу в гостиной и оставался там, когда она проснулась на диване около шести утра и пошла проверить вас с сестрой. Судя по количеству пустых пивных бутылок и окурков сигарет с травкой, ее объяснение выглядело вполне правдоподобным.

– Улик на отца, которые связали бы его с похищением, у полиции не было, – сказала Пайн.

– Ну, вероятно, его отпечатки и ДНК были по всему дому, – сказала Блюм. – Ведь он там жил, так что на основании этого его не смогли исключить из списка подозреваемых.

– К тому же я видела мужчину, который забрался к нам в спальню через окно, – добавила Пайн. – И он был в перчатках. Так что следов остаться не могло.

Грэм едва не разлила кофе, когда услышала слова Пайн.

– Вы видели мужчину? – воскликнула она.

– Да, именно по этой причине я знала, что отец не виноват, – ответила Пайн. – Зачем ему было влезать через окно?

– И вы рассказали об этом полиции?

Пайн колебалась.

– Мне кажется, я говорила, – наконец ответила она. – Но я была ребенком с пробитым черепом. Сомневаюсь, что они серьезно отнеслись к моим словам.

– Вы уже побывали в вашем прежнем доме?

– Да, там теперь живет человек по имени Сайрус Таннер. Он сказал, что арендует дом.

– Весьма привлекательный и интересный мужчина, – вме-

шалась Блюм.

Грэм улыбнулась.

– Да, так и есть, – согласилась она. – Сай Таннер говорит самые разные вещи, но далеко не всегда это правда.

– Значит, он не арендует дом? – спросила Блюм.

– Я не думаю, что кому-то известно, кто является владельцем дома, поэтому едва ли Сай за него платит.

– Значит, он вселился незаконно, – подвела итог Блюм.

– Он не один такой. С двухтысячного года город потерял тридцать процентов населения; впрочем, здесь никогда не жило много людей. В остальной части округа Самтер ситуация лучше. Заработная плата, занятость повышается, как и стоимость жилья, больше молодых людей. Однако осталось достаточно брошенных домов, и ваш относится к этой категории.

– Пожалуй, я понимаю, – кивнула Пайн.

– Вы действительно считаете, что сможете раскрыть преступление после стольких лет? – спросила Грэм.

– Многие нераскрытые дела сейчас удастся довести до конца, – заметила Блюм.

– Но большинство так и остаются тайной, – возразила Грэм.

– Откуда вы знаете? – спросила Пайн.

– На самом деле я пишу детективный роман, – ответила Грэм. – Как я уже говорила, дом дает мне возможность сводить концы с концами, но не более того. Я рассчитываю вы-

браться из этой дыры, добившись известности как автор исторических детективных романов.

– Значит, вы еще не расстались с прежними амбициями? – спросила Блюм.

Грэм опустила взгляд.

– Наверное, – сказала она.

– Дайте мне угадать – ваша история происходит во время Гражданской войны, – предположила Пайн.

– Отличная дедукция. В хорошей исторической прозе должна быть собственная атмосфера. А война пропитала насквозь наш город, уж не знаю, хорошо это или плохо. Надеюсь, для меня хорошо. Дело в том, что я серьезно изучала старые преступления. И большинство из них так и остались нераскрытыми.

Пайн встала.

– Ну, мое не останется – во всяком случае, не из-за недостатка попыток, – заявила она. – А теперь прошу меня извинить, у нас был трудный день.

Пайн вышла из комнаты, оставив Блюм и Грэм сидеть за столом.

Грэм посмотрела на Блюм.

– Как вы думаете, она сможет это сделать? – спросила Грэм.

– Если она не справится, значит, эту задачу невозможно решить, – уверенно ответила Блюм.

Глава 8

– Как я погляжу, вы стали совсем взрослой.

Наступил следующий день, и Пайн с Блюм сидели напротив Дейва Бартлса в офисе окружного шерифа Мейкона, в Оглторпе, штат Джорджия.

Бартлсу было сильно за пятьдесят – седые волосы, острые черты и лицо человека, который за долгие годы своей карьеры в полиции, видел более чем достаточно проявлений порока.

– Да, я стала взрослой, – сказала Пайн, и ее губы превратились в тонкую линию.

– Я слышал, вы агент ФБР.

– Это правда.

– Пожалуй, я знаю, почему вы здесь.

– Не сомневаюсь, что это очевидный вывод.

– Тогда нам не удалось раскрыть дело о похищении вашей сестры, как и полиции штата и даже вашему агентству.

– Но у вас имелся подозреваемый.

– Ваш отец.

– Вы все еще думаете, что это сделал он?

– У нас не хватило улик, чтобы предъявить ему обвинение. И не удалось отыскать мотив. Ваши родители были очень молоды, но все говорили, что они хорошо о вас заботились. – Он немного помолчал. – Когда не пили и не кури-

ли травку.

– Так вы думаете, что он накурился и накачался спиртным, а потом это сделал?

– Я так думал. Сначала. Но куда он мог деть тело? У ваших родителей был единственный старый автомобиль, но никто не видел, чтобы он на нем ездил. Мы осмотрели все ближайшие владения и лес. Нигде не нашли свежих могил. Никто не вылавливал тел из воды. Нигде вообще не находили тела. Спрятать труп трудно даже трезвому человеку. Не говоря о пьяном.

– В те времена здесь орудовал Дэниел Джеймс Тор.

Бартлс задумчиво на нее посмотрел.

– Он убил маленькую девочку из Мейкона, примерно в часе езды отсюда, – сказал он. – В конце концов ФБР сумело взять ублюдка. Вы думаете, он похитил вашу сестру?

– ФБР удалось установить, что он находился в этих местах, но моя сестра не вписывается в геометрическую схему его активности.

Бартлс нахмурился.

– Геометрическую? Что это значит?

– Тор одарен в математике. Он выбирал жертвы так, чтобы места их проживания образовывали математические фигуры. Именно благодаря этому его в конце концов поймали. Им удалось вычислить место, где он должен был появиться, они сумели быстро перебросить туда людей и взять его.

– Значит, местонахождение вашего дома не подходило

под его «математическую схему»?

– Верно. В течение восемнадцати месяцев в восемьдесят восьмом и восемьдесят девятом Тор подозревался в похищении и убийстве четырех человек в штате Джорджия и по одному в Олбани, Колумбусе, Атланте, еще была маленькая девочка из города Мейкон. Получалась грубая геометрическая фигура. Я назвала ее бубновой мастью. Он меня поправил и сказал, что это ромб.

– Он вас поправил?

– Я трижды посещала Тора во Флоренсе, тюрьме особо строгого режима.

– Я даже не знал, что этот монстр до сих пор жив. Его давно следовало казнить.

– У него немало пожизненных заключений, он больше никогда не увидит света дня.

– Подождите, но, если вы его посещали, значит, вы думали, что он мог похитить вашу сестру, хотя это не подходило под его схему.

– Я подозревала, что он мог быть виновен, поскольку он в то время находился в наших местах.

– Я помню, после того как вас выписали из больницы, вы нам сказали, что видели, как к вам в окно влез мужчина. Вы думаете, это был Тор.

Блюм внимательно наблюдала за Пайн.

– Недавно я прошла гипнотерапию, чтобы вернуть подавленные воспоминания, – сказала Пайн.

– И у тебя получилось?

– Я не уверена. Мужчина, которого я видела, мог быть Тором. Но, поскольку я знала о Торе до сеанса, а также мне было известно, что он находился тогда в этих краях...

– Вы хотите сказать, что это могло повлиять на ваши воспоминания и их исказить.

– Верно.

– Ну и что сказал Тор?

– Что он никогда ничего не признает. Но даже если признает, не представит подтверждающие доказательства. У него нет стимула. Так что это тупик.

Бартлс развел руки в стороны.

– Что объясняет, почему вы здесь, – сказал он.

– Могу я взглянуть на досье?

– Конечно. Но я не представляю, что вы рассчитываете найти там через три десятилетия.

– Я тоже. Но я должна сделать все, что в моих силах.

Бартлс задумчиво кивнул.

– Я попрошу скопировать досье и принести мне, но должен сразу вас предупредить: там совсем немного фактов и сведений. И не скажу, чтобы что-то пропало. Их с самого начала было мало.

– Я удивлена, что вы после стольких лет не уничтожили документы.

– При обычных обстоятельствах так и произошло бы. Но преступление осталось нераскрытым, агент Пайн. Поэтому

мы сохранили досье. Никто ведь не знает, как все может обернуться, верно?

– Да.

– Я и представить не мог, что вы вырастаете и станете агентом ФБР.

– Жизнь бывает непредсказуемой.

– Слышал, работаете в Аризоне.

– Вы узнали это от Лорен Грэм?

Бартлс рассмеялся.

– Мы с ней друзья, – признался он. – Она симпатичная женщина. Вам нравится в «Коттедже»?

– Да, и в некотором смысле там все иначе. А в остальном такое же.

– Люди повсюду остаются людьми. И не важно, где они находятся.

– Если вы что-то найдете, дайте мне знать. У нас здесь совсем мало нераскрытых дел. Я бы хотел закрыть это.

– Хорошо.

Пайн и Блюм направились в сторону вестибюля.

– А каков этот Тор? – внезапно спросил Бартлс, и Пайн резко к нему повернулась.

– Представьте себе свой худший кошмар и умножьте на сто, – ответила она.

– Но тогда разве все не очевидно? Разве нельзя понять, кто он такой, просто находясь с ним рядом?

– Нет, нельзя, – ответила Пайн, качая головой. – Именно

поэтому он и является кошмаром. Ты не понимаешь, что перед тобой чудовище, пока не становится слишком поздно.

Глава 9

– Бартлс был прав, когда сказал, что здесь совсем немного сведений о расследовании, – заметила Блюм.

Они разложили копии документов, записок, отчетов и фотографий на кровати Пайн в ее номере в «Коттедже». По любым меркам это было жалкое зрелище.

Блюм взяла фотографию и протянула ее Пайн.

– Ты с сестрой?

Пайн взглянула на снимок и кивнула.

– Наш пятый день рождения. Такой же лежит у меня в бумажнике. Единственная общая фотография, которая у меня есть. У моих родителей не было фотоаппарата. Мама взяла поляроид у приятелей и сделала три снимка. По одной для каждой из нас и одну для себя. Должно быть, свою она отдала полицейским, чтобы помочь в поисках Мерси.

– Вы с сестрой действительно были очень похожи, – заметила Блюм.

Пайн посмотрела на двух маленьких сестер, казалось, с расстояния в тысячу лет. Блестящие глаза и улыбки.

– Мы были неразлучны, – сказала она. – Два разных человека, но на самом деле один. Много лет назад, – с грустью добавила она. – Каждый день я думаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы Мерси все эти годы находилась рядом. Мы всегда оставались лучшими подругами. Я... хотела бы

верить, что так было бы и дальше.

Пайн попыталась представить, какой Мерси стала бы, когда выросла. Они по-прежнему были бы похожи внешне, как две капли воды или за годы появились бы различия? Она надеялась, что Мерси еще жива. Но насколько такое было возможно?

– Если бы ничего этого не произошло, ты могла бы и не стать агентом ФБР? – заметила Блюм.

– Я бы поменялась, глазом не моргнув.

– На твоем месте я бы поступила так же, – сказала Блюм и взяла больничную карту с рентгеновским снимком. – Ты действительно получила очень серьезную травму, агент Пайн. – Ты едва не умерла.

Пайн рассеянно кивнула.

– Я помню, как открыла глаза в больнице и увидела склонившуюся надо мной мать. Сначала я подумала, что умерла, а она ангел. – Пайн смущенно посмотрела на Блюм. – Глупые мысли маленькой девочки.

– Я уверена, что мать стала для тебя огромным утешением.

Пайн окинула взглядом лежавшие на кровати вещи.

– Даже агенты ФБР почти ничего не сумели найти. Никаких следов, улик или мотивов. Ничего. Полнейший тупик.

– Никто ничего не видел и не слышал?

– Ты же видела, наш дом стоит на отшибе, в тупике. В те времена было так же, только в еще большей степени.

– Но чем занималась полиция?

– За исключением того, что считала виновным моего отца? Практически ничем.

Блюм посмотрела на часы.

– Время обеда, – сказала она.

– Ладно.

– Пойдем туда же?

– Думаю, да. Ты рассчитываешь еще раз встретить Сая Таннера?

– Не заставляй меня краснеть, агент Пайн.

– Ты знаешь, на самом деле я не проголодалась. Почему бы тебе не сходить туда одной?

– Ты уверена? Я могу подождать.

– Нет, я думаю, мне стоит немного побыть одной.

– Я знаю, что тебе нужно многое осмыслить.

– Я уже давно пытаюсь. Но если делаешь одно и то же снова и снова, разве можно получить другой результат? Вот почему я здесь.

– Позвони, если я тебе понадоблюсь.

– Я так и сделаю.

После ухода Блюм Пайн медленно сложила бумаги обратно в коробку, которую ей выдал офис шерифа, вышла из номера и направилась на главную улицу Андерсонвилля. В вечернем воздухе появилась осенняя прохлада, и, шагая по пустынным улицам, Пайн порадовалась, что надела куртку.

У нее сохранилось совсем немного воспоминаний о го-

родке. Она уехала отсюда, когда была совсем маленькой. А последние месяцы жизни здесь отравило похищение Мерси.

Здания, старые и содержавшиеся не в самом лучшем виде, изменились незначительно. Водонапорная башня на металлических сваях, украшенная эмблемой Андерсонвилля, стояла на прежнем месте. Пайн проходила мимо сельских магазинов со старыми треугольными крышами и выступавшими навесами, комиссионок с выставленными в витринах товарами, смотрела в тускло освещенные окна на ящики, заполненные пустыми бутылками, в лавочке, где продавали «антиквариат». Город немного напомнил ей фильм «Убить пересмешника». Южный старомодный городок в горах, не уверенный в своем будущем, но все еще каким-то образом держащийся на плаву и верящий, что впереди его ждут лучшие времена.

Пайн увидела вездесущее железнодорожное полотно – единственную причину, по которой здесь когда-то возник город. Национальный музей узников войны и тюрьма, а также огромное кладбище занимали доминирующее положение, повсюду были расставлены рекламные плакаты, зазывавшие туристов, чтобы те расставались со своими долларами. Вероятно, Андерсонвилль с максимальной выгодой использовал карты, которые сдала ему судьба. Печально известная тюрьма в самом центре давала городу столь необходимый ему доход. Во всяком случае, здесь можно было получить важный исторический урок о жестокости человеческих существ.

Пайн перешагивала через лужи, оставшиеся после недавнего дождя, обнажившего красную, не пропускавшую воду глину Джорджии. Здесь росли высокие тонкие виргинские сосны, корни которых находились почти на поверхности земли, хотя ураганы с сильными ветрами могли легко их сломать или даже вырвать.

Пайн уселась на влажную скамейку и стала смотреть в темноту.

Через годы мать призналась Пайн, что она испытывала такую сильную боль во время родов, что назвала первую родившуюся дочь Мерси, посчитав «милосердием», что ее мучения наполовину закончилось.

Когда ее старшая дочь исчезла посреди ночи, Джулия Пайн очень долго не произносила ее имени вслух. Более того, она рассказала о происхождении имени Мерси только после того, как Пайн отправилась в колледж.

Через некоторое время, когда Пайн однажды вернулась домой на каникулы, она обнаружила, что мать исчезла, оставив короткую записку, которая ничего не объясняла. Она вспомнила, как вошла в квартиру, которую с ней делила, и обнаружила одинокий листок бумаги, наполнивший ее ощущением новой тяжелой потери. Пайн стукнула кулаком по ручке скамейки, чтобы подавить сильное желание закричать.

Почему ты меня бросила, мама? Оставила одну. Сначала, Мерси, потом папа и ты.

Во время ее первого визита в тюрьму Тор сказал, что по-

сле исчезновения Мерси у Пайн появилась дыра, которую невозможно заполнить, что она больше никогда не сможет никому доверять. И умрет в одиночестве, чувствуя утрату сестры так же остро, как в тот день, когда это случилось.

Может, он прав. Но я все еще могу узнать, что с ней произошло. Может быть, это поможет закрыть дыру, хотя бы частично.

А как насчет матери? Как она сможет заполнить эту пустоту? В отличие от Мерси, мать покинула ее по доброй воле. Пайн помнила, как сидела ошеломленная на полу, держа в руке записку. А потом много дней существовала как в тумане и лишь с большим трудом взяла себя в руки, чтобы продолжить полноценно жить дальше.

Пайн позвонила в полицию, но она уже перестала быть ребенком, поэтому речь не могла идти о том, что ее бросила мать. В течение долгих лет она несколько раз принималась ее искать и, когда начала работать в ФБР, не прекратила своих попыток, однако нигде не могла найти следов матери, она исчезла так, словно никогда и не существовала.

И, если я не сумею разобраться с этой частью моей жизни, то не смогу быть полноценным агентом. А Доббс сдержит свое слово. Еще один эпизод, подобный тому, что случился с извращенцем Клиффом Роджерсом, и меня уволят из Бюро. И чем я тогда буду заниматься?

Чтобы хоть как-то успокоиться, Пайн встала, зашагала дальше и вдруг услышала крики.

Она автоматически повернулась, вытащила пистолет и побежала в ту сторону, откуда они доносились.

Длинные ноги быстро привели Пайн к плохо освещенной пустой части главной улицы. Сначала она увидела пожилую женщину, которая уронила сумочку, и содержимое рассыпалось по темному тротуару.

– Что случилось? – спросила Пайн, взяв ее за руку.

Пожилая женщина трясущейся рукой указала в пространство между двумя темными зданиями.

Пайн с трудом разглядела то, что там лежало.

«Не может быть, – подумала она. – Пожалуйста, этого не может быть».

Глава 10

Женщина лет тридцати, бледная кожа, стройная, с хорошей фигурой, длинными каштановыми волосами и необычно острыми чертами лица.

К несчастью, смерть сильно их исказила.

Два помощника шерифа из округа Самтер соорудили полог, закрыв тело, и стояли рядом с Пайн, глядя на него. Один из них лет двадцати пяти был высоким и жилистым. Взглянув на его бледное лицо, Пайн поняла, что это первое убийство, которое он видит. Его напарнику было за сорок, но он выглядел ничуть не лучше.

– Вы будете вести расследование? – спросила Пайн.

Мужчина постарше покачал головой.

– Нет, мы лишь охраняем место преступления. Делом будет заниматься следственный отдел. Вероятно, привлекут агентов ФБР из Джорджии.

Пайн уже успела показать им свой значок и документы. Пожилая женщина, обнаружившая тело, сидела на скамейке, ее отчаянно трясло, и она никак не могла прийти в себя. Пайн попыталась ее успокоить, но у нее не получилось.

Появились зрители, и помощники шерифа быстро окружили место преступления желтой лентой.

– Что на ней надето? – спросил более молодой помощник шерифа.

Пайн обратила на это внимание, как только увидела тело.

– Вуаль, – сказала она. – Похожа на свадебную фату.

– Свадебная фата? Проклятье, и что это может означать? – спросил помощник шерифа, который был старше.

«Ничего хорошего», – подумала Пайн.

Когда они вышли из-за экрана, подкатил древний седан «Краун Виктория», и из него вышел мужчина, которому было уже под шестьдесят. Шесть футов, дородный, редющие седые волосы, массивная челюсть, одет в мешковатый костюм, мятую рубашку, галстук сполз в сторону, но взгляд оставался холодным и внимательным, и он вел себя со спокойной уверенностью. Он подошел и представился, сказав, что его зовут Макс Уоллис, и он из отдела расследований штата Джорджия. Он кивнул, здороваясь с помощниками шерифа.

– Я осмотрю тело. – Он перевел взгляд на Пайн. – Это вы нашли жертву? – спросил он.

Она указала на сидевшую на скамейке пожилую женщину.

– Я оказалась здесь второй, – сообщила ему Пайн.

– Я бы хотел с вами поговорить, – сказал Уоллис.

– Она из ФБР, сэр, – доложил помощник шерифа, который был старше.

Казалось, Уоллис получил пощечину.

– Не понял? – переспросил он.

Пайн показала ему значок и документы.

– Я проездом, – сказала она. – Когда-то тут жила. Услы-

шала крики и сразу сюда прибежала.

Некоторое время Уоллис изучал ее документы, периодически поднимая вверх брови.

– Ладно, только никуда не уходите.

Он подошел к пожилой женщине и сел рядом на скамейку. Пайн наблюдала, как он с ней разговаривает, протянул бумажные платки, когда она начала всхлипывать, потом взял за руку и погладил по плечу, успокаивая.

«Хорошая техника», – подумала Пайн. Он успокаивает свидетельницу, дает ей возможность прийти в себя, чтобы она смогла более внятно изложить то, что видела.

Наконец Уоллис встал, вернулся к помощникам шерифа и приказал им отвезти женщину домой. Они уже успели собрать вещи, выпавшие из ее сумочки.

Более молодой уехал с женщиной, второй остался охранять место преступления.

– Вам удалось узнать у нее что-то полезное? – спросила Пайн.

Уоллис полистал блокнот.

– На самом деле нет, – ответил он. – Она заметила тело, запаниковала и выронила сумочку. Но ничего не видела и не слышала. И она не знакома с жертвой.

– В таком маленьком городке люди должны знать друг друга, – заметила Пайн. – Вероятно, она не отсюда.

– Криминалисты будут здесь с минуту на минуту, – сказал Уоллис. – Не исключено, что при жертве есть документы.

– Сомневаюсь.

– Почему вы так считаете?

– У нее нет ни сумочки, ни кошелька. И ее уложили в определенную позу. Тот, кто это сделал, тщательно все спланировал. Не думаю, что убийца оставил при ней документы. Преступник мог так поступить только в том случае, если хотел, чтобы мы узнали, кто она такая. – Пайн посмотрела на часы. – Прошло сорок минут с того момента, как я оказалась на месте преступления, пожилая женщина опередила меня на пару минут.

– Значит, тот, кто оставил ее здесь, давно ушел.

– Когда я появилась, было темно. Это дальний конец главной улицы. И тут растут деревья.

– Вы не думаете, что он принес жертву на руках?

– Более вероятно, что он привез ее на машине. Все магазины вокруг закрыты. В другом конце улицы освещение заметно лучше.

– Из чего следует, что убийца знает это место.

– Было бы интересно выяснить время смерти.

– Почему?

– Я не думаю, что ее убили здесь. Как только я появилась, то сразу осмотрела все вокруг, прислушалась к шуму, к тому, что происходит рядом. Ничего. Я думаю, ее убили в другом месте, потом убийца оставил тут жертву, чтобы кто-нибудь ее нашел.

– Такое впечатление, что вы уже занимались подобными

делами.

– Верно.

– И вы здесь проездом?

– Ну, более или менее.

Он немного подумал.

– У меня такое ощущение, что вы не против немного поработать.

– А я могу?

– В нашем отделении много хороших людей с опытом, но мы в сельской части Джорджии, и наши ресурсы растянуты на большие площади. Я не настолько горд, чтобы отказаться от помощи эксперта, когда он так удачно оказывается рядом.

Пайн посмотрела на экран.

– Хорошо. Но я должна вам кое-что сообщить, – сказала она.

– Что?

– Вы и сами это увидите, но убийца надел на жертву свадебную фату.

– Свадебную фату?

– Да.

– А откуда вам знать, что она не сама это сделала?

– Ей под тридцать, одета в дорогие джинсы, свитер из кашемира, замшевый пиджак и низкие сапожки из крокодиловой кожи. Она никак не могла ходить в таком наряде и в фате, которая кажется мне старинной, гораздо старше, чем убитая женщина.

Уоллис поскреб заросшую щетиной щеку.

– Значит, фата имеет для убийцы особое значение? Что-то символизирует?

– Сцена тщательно выстроена. Здесь все имеет значение. Все указывает на то, что убийца провел специальную церемонию.

– Хорошо, и каковы ваши предварительные выводы?

– В одном я совершенно уверена.

– И в чем же?

– Не думаю, что мы видим его работу в последний раз.

Глава 11

Пайн и Уоллис смотрели на тело.

Команда криминалистов и представитель отдела расследований шерифа округа Самтер приехали вместе в черном фургоне. Через минуту появился маленький худощавый мужчина в темном костюме. Это был коронер, вызванный, чтобы официально засвидетельствовать смерть – факт, который уже ни у кого не вызывал сомнений.

Пока они занимались своей работой, появилась Блюм, которой Пайн отправила сообщение, и ее пропустили к месту преступления.

Пайн представили Блюм Уоллису.

– Сожалею, что пришлось прервать ваш визит, – сказал Уоллис, глядя на Блюм. – Я воспользовался тем, что ваш босс оказалась здесь, и попросил ее помочь.

– Я сомневаюсь, что вам пришлось прикладывать много усилий, – ответила Блюм и посмотрела на тело. – Свадебная фата, – сказала она, бросив взгляд на Пайн.

– Да, – кивнула та.

– Некая символика? – спросила Блюм.

– Думаю, да, – подтвердила Пайн.

Блюм посмотрела на тело более внимательно.

– Фата старая, – заметила она. – Поколение моей матери.

На это однозначно указывают дизайн и стиль. Времена Вто-

рой мировой войны.

Уоллис бросил на нее одобрителный взгляд.

– У вас хороший глаз, – сказал он.

– Ну, я определенно стараюсь держать оба моих глаза открытыми, – улыбнулась Блюм.

Пайн присела на корточки и внимательно оглядела мертвую женщину. Ее глаза были раскрыты и казались выпученными. Вокруг шеи она увидела синяки и отметины.

– Смерть от сжатия дыхательного горла, – сказала Пайн, и Уоллис кивнул. – Удушение.

Коронер наклонился над телом с другой стороны и начал осмотр. Он направил луч фонарика на глаза жертвы, горло, осторожно ощупал основание шеи.

– Я согласен, – сказал коронер. – Подъязычная кость сломана.

– Петехиальное ⁸ кровоизлияние, – добавил Уоллис, указав на глаза жертвы.

Коронер кивнул.

– Удушение оказывает давление на кровеносные сосуды, отвечающие за глаза, и они лопаются. – Он посмотрел на глаза более внимательно, снова направив на них луч фонарика. – Зрачки сузились, глазная жидкость высохла, радужная оболочка изменилась. После смерти прошло значительное время.

Пайн коснулась одной из конечностей.

⁸ Точечное.

– И тело полностью окоченело, – добавила она. – Но как давно, я оценить не могу.

– Давайте посмотрим, не смогу ли я кое-что уточнить. – Коронер, сделал небольшой надрез в брюшной полости и ввел в него пробник, чтобы измерить температуру печени. – С учетом температуры окружающей среды и влажности воздуха, размеров и возраста погибшей, а также одежды, я бы сказал, что она мертва двенадцать часов. И это совпадает с уровнем окоченения и состоянием глаз. Конечно, мы получим более точный результат, когда сделаем вскрытие.

– Документы? – спросил Уоллис у одного из техников.

– Мы ничего не нашли, – ответил тот.

– Но у нее есть кольцо на помолвку и обручальное, – заметила Блюм, указывая на левую руку женщины. – И, судя по величине камня и работе, очень дорогое. Если, конечно, камень настоящий.

– Обратите внимание на положение тела, – сказала Пайн. Уоллис кивнул.

– Да, – согласился он, – ее тщательно уложили. Руки на животе, словно она в...

– ...гробу, – закончила за него Блюм.

Уоллис бросил на нее странный взгляд.

– Совершенно верно, – сказал он.

Коронер отошел в сторону, чтобы сделать записи в блокноте, а Пайн занялась пальцами жертвы.

– Я ничего не вижу под ногтями, ни крови, ни тканей,

ни волос, – сказала она, затем приподняла рукава пиджака и свитера. – Ничего.

– Значит, следов борьбы с убийцей нет, – отметил Уоллис.

– Стемнело лишь за полчаса до того, как я здесь оказалась, – сказала Пайн и посмотрела между домами в сторону линии деревьев.

– Тело не могло пролежать здесь несколько часов, – заметил Уоллис.

– Я сомневаюсь, что оно долго здесь находилось до того, как его заметила пожилая женщина, – сказала Пайн. – К тому же на теле было бы гораздо больше насекомых.

– Таким образом, имеется небольшой промежуток времени, который нас особенно интересует, – подытожил Уоллис.

– Если появятся подозреваемые, мы сможем проверить их алиби, – сказала Пайн. – И не только на время убийства, но и на тот момент, когда тело сюда принесли.

– В город каждый год приезжает огромное количество туристов, – сказал Уоллис, – чтобы посмотреть на тюрьму и артефакты Гражданской войны. Даже мы с женой. Один из наших предков здесь погиб.

– Союз или Конфедерация? – спросила Пайн.

– Союз. Я сам из Нью-Йорка. Пошел в армию, проходил подготовку в Форт-Беннинге. Погода там заметно лучше. После отставки стал работать в полиции.

– Ну, я не уверена, что убийца приезжий.

Уоллис рассеянно кивнул.

– Итак, удушение, тело расположено специальным образом, возможно, кто-то местный, неплохо знакомый с городом.

– Когда здесь произошло последнее необычное убийство? – спросила Пайн.

Уоллис закрыл блокнот, убрал его, обогнул экран, приподнял ленту и отошел от тела. Пайн и Блюм последовали за ним. Он достал из кармана пачку сигарет и закурил.

– Не хотел загрязнять место преступления, – пояснил он, затягиваясь. – У нас было похищение около тридцати лет назад, но ни одного убийства, во всяком случае, о котором известно официально. – Он бросил на Пайн внимательный взгляд.

Она понимающе на него посмотрела.

– Я думаю, вы узнали мою фамилию, когда я представилась, вы изучали мои документы дольше, чем обычно, – сказала она.

– Я начал работать в Бюро, как только уволился из армии. Я не имел отношения к расследованию похищения вашей сестры, но читал о нем – ведь оно так и осталось нераскрытым. Впрочем, имелась еще одна причина.

– Дэниел Джеймс Тор действовал в то время на этой территории? – спросила Пайн.

Уоллис кивнул и выпустил из ноздрей две одинаковые струи дыма.

– Среди прочего. – Он посмотрел на сигарету. – Пытался

бросить, наверное, сотню раз. Может быть, стоит перейти на электронные, пока не получил сердечный приступ или удар.

– В электронных сигаретах также содержится никотин, – заметила Блюм. – И мой собственный опыт показывает, что так только труднее. А это нелегко само по себе, – добавила она с сочувствием.

– Значит, больше никаких убийств здесь не было, – вмешалась Пайн. – За все тридцать лет?

– Были, конечно. – Уоллис пожал плечами. – Но вы спрашивали о чем-то необычном. Здесь, как правило, один парень стреляет в другого, бьет дубиной или наносит удар ножом. Из-за наркотиков, наличных или девушки. У нас не было уложенных в определенную позу жертв в свадебной фате, по крайней мере, насколько мне известно. Убийцы во всех прошлых случаях вели себя традиционным образом. Только не так, как здесь. – Он бросил и затоптал каблуком окурок. – Никаких следов, отпечатков и свидетелей, если не считать пожилой женщины.

– Что теперь?

– Коронер отдаст свой отчет в офис судмедэкспертов. Они проведут вскрытие. Учитывая обстоятельства, тут не может быть никаких сомнений.

– И где будут проводить вскрытие?

– Тело отвезут в региональную лабораторию патологической анатомии в Мейконе.

– Дайте мне знать, когда будут делать вскрытие. Я бы хо-

тела присутствовать.

Он бросил на нее задумчивый взгляд, потом посмотрел на сновавшую взад и вперед команду техников.

– Похоже, им не удалось найти ничего полезного.

– Я полагаю, преступник соблюдал осторожность и знал, что следует делать, а чего избегать, – сказала Пайн.

– В смысле?

– Это не первое его родео.

– Вы правда здесь только проездом? – спросил Уоллис, вновь наградив ее пристальным взглядом.

– Может быть, мы поговорим об этом позднее.

Он кивнул, потянулся за следующей сигаретой, потом посмотрел на Блюм.

– Вы думаете, что лучше всего просто взять и бросить? – спросил он.

Она одобрительно улыbnулась.

– Такое возможно. Я говорю на основании личного опыта. Первые несколько дней будет очень тяжело. Помогает жевательная резинка, и нужно постараться чем-нибудь себя занять.

Он кивнул и вернулся к экрану.

Блюм посмотрела на Пайн.

– Неожиданный поворот, – заметила она.

– Я уже давно убедилась, что в моей жизни неожиданные события это норма, – ответила Пайн. – Как прошел обед?

– Ну, совсем не так волнующе, как то, что случилось здесь.

– Там было много народу?

– Да, свободных мест почти не осталось. А почему ты спрашиваешь?

Пайн не ответила.

Позднее они смотрели, как тело женщины положили в черный мешок, застегнули молнию и понесли на носилках к автомобилю.

– Кольцо на помолвку и обручальное, – сказала Пайн.

– Верно, – кивнула Блюм.

– Ну, и где муж? Потому что в девяти случаях из десяти убийцей оказывается муж.

– Я начинаю испытывать удовлетворение от того, что осталась одна.

– Как и я, – согласилась Пайн.

Глава 12

Еще одно вскрытие в очередном морге.

Пайн их ненавидела, но они являлись неотъемлемыми инструментами в работе. Однако ее стало тревожить, что она утратила чувствительность и теперь равнодушно наблюдала, как режут на куски человеческое тело, не испытывая никаких чувств, кроме профессионального любопытства.

Нельзя, чтобы это стало личным – ведь в таком случае я не смогу делать свою работу. Но как сохранить при этом человеческую сущность?

Наступил следующий день, тело молодой женщины лежало в морге на металлическом смотровом столе. Судмедэкспертом оказалась женщина лет пятидесяти с рассудительным взглядом. Она была ширококостной и широкоплечей, с рассчитанными и точными движениями. Последние два часа она провела, разрезая жертву, а Пайн и Уоллис наблюдали за ее работой.

С потолка лился свет, яркий и всепроникающий, а также свисал микрофон на проводе, чтобы судмедэксперт могла описывать свои наблюдения во время проведения вскрытия. Пайн внимательно слушала каждое ее слово.

Судмедэксперт вынимала внутренние органы, рассматривала их, взвешивала и измеряла, затем аккуратно возвращала на место. Затем она сняла скальп и разрежала череп;

достала мозг, тщательно его взвесила, измерила и изучила. В самом конце она наложила швы на хорошо Пайн знакомый Y-образный разрез, и жертва стала похожа на персонаж из фильма ужасов. Вообще, происходящее было наполнено ужасом, ведь у этой женщины насильственным образом отняли жизнь.

Пайн стояла рядом с Уоллисом, который надел другой костюм, такой же мешковатый, как вчерашний. Но рубашка была свежей и отглаженной, а галстук завязан более аккуратно.

– Не удалось установить ничего нового? – спросил он.

– Очевидная смерть от удушения, – сказала судмедэксперт.

– Есть раны, полученные при обороне, следы под ногтями? – спросила Пайн. – Я провела поверхностный осмотр на месте преступления, но ничего не обнаружила.

Судмедэксперт покачала головой.

– Я все тщательно проверила. – Она посмотрела на тело. – Но я обнаружила кое-что, представляющее интерес.

– Что именно? – поинтересовался Уоллис.

– Мне удалось установить, что у нее есть, по меньшей мере, один ребенок. – Она указала на лицо женщины. – И с ней поработал пластический хирург. Слегка приподняты щеки, сужен нос, изменена линия челюсти. Кроме того, имеются вагинальные разрывы.

– Ее изнасиловали? – спросил Уоллис.

– Нет, они давние. Сейчас нет следов сексуального насилия. – Она указала на большую грудь женщины. – И еще грудные имплантаты. Помогите мне ее перевернуть.

Они вместе перевернули жертву, и судмедэксперт указала на ягодицы.

– Здесь также имплантаты. И я обнаружила анальные разрывы, зажившие относительно давно, – продолжала судмедэксперт.

– Вывод? – спросил Уоллис.

– Скорее всего, проститутка, – ответила Пайн.

– Бинго, – согласилась судмедэксперт.

– К сожалению, они часто становятся жертвами, – заметила Пайн. – Это очень опасная профессия.

Пайн указала на странные отметки на подколенных сухожилиях и ягодицах.

– Следы чего-то круглого, – сказала она.

– Возможно, от поверхности, на которой она лежала, – предположил Уоллис.

Пайн кивнула.

– Может быть, что-то в багажнике автомобиля? – предположила она. – Когда тело перевозили.

– Может быть, – согласился Уоллис.

– Трупные пятна уже появились, поэтому отметки не исчезнут, – объяснила судмедэксперт.

– Нам нужно их сфотографировать, – сказала Пайн.

– Я уже это сделала, – ответила судмедэксперт.

Они снова перевернули тело на спину.

Судмедэксперт указала на следы на руках женщины.

– Она регулярно принимала наркотики, – продолжала эксперт. – Я сделала такой вывод по разным признакам, но эти самые точные. Я практически уверена: анализ крови покажет, что именно она употребляла.

Пайн посмотрела на зубы женщины.

– Они в пятнах. Кокаин, мет, героин – от них остаются подобные следы, – сказала она.

– И у нее сточены зубы, – заметил Уоллис. – Так бывает у наркоманов, они скрипят зубами. Кроме того, наркотики уменьшают количество слюны.

Судмедэксперт кивнула.

– И обратите внимание на носовую перегородку, – сказала она. – Она практически растворилась.

– Леди нюхала кокаин, – подвела итог Пайн.

Судмедэксперт накрыла мертвое тело простыней.

– Итак, кто-то задушил проститутку и наркоманку, а потом положил ее в определенную позу и надел свадебную фату.

– Времен сороковых годов двадцатого века, – добавила судмедэксперт. – Я проверила в интернете.

– Ваша помощница сразу это заметила, – сказал Уоллис Пайн. – Кстати, а где миз⁹ Блюм?

⁹ Нейтральное обращение к женщинам, не подчеркивающее семейное положение и возраст, как «мисс» и «миссис», и позволяющее не испытывать затрудне-

– Изучает другой аспект дела, – ответила Пайн.

– Я думал, она плохо переносит такие вещи, как вскрытие, – сказал Уоллис.

– Она очень сильная женщина. А что вы скажете относительно кольца на помолвку? – спросила Пайн.

– Оно выглядит дорогим, – ответил Уоллис. – Однако это не так. Фианит ¹⁰.

– Значит, велика вероятность, что убийца надел ей его на палец вместе с обручальным кольцом, – сделала вывод Пайн.

– Вы так считаете? – спросил Уоллис.

– Ну, конечно, бывают исключения, но я не думаю, что существует много женщин, которые стали бы носить подаренное на помолвку кольцо с фальшивым камнем.

Судмедэксперт одобрительно улыбнулась.

– Вам удалось ее опознать? – спросила Пайн.

– Мы пробиваем ДНК и отпечатки по обычным базам. Пока совпадений нет.

– Она может оказаться среди пропавших, – предположила Пайн.

– Может быть, – согласился Уоллис.

– В последнее время не пропадали проститутки, бордели не обращались в полицию?

– В штате Джорджия проституция запрещена.

ний при выборе между последними, если неизвестно семейное положение женщины, с которой или о которой идет разговор.

¹⁰ Диоксид циркония, синтетический минерал, использующийся для имитации драгоценных камней.

– Проституция запрещена во многих штатах, однако она существует.

– Я проверю.

Пайн более внимательно посмотрела на лицо мертвой женщины.

– Я знаю, что она перенесла несколько пластических операций, но мне кажется, в ее чертах есть нечто восточно-европейское.

– Мы покажем фотографию в новостях, возможно, кто-то ее узнает, – пообещал Уоллис.

Они с Пайн вместе вышли из морга и зашагали по коридору.

– Если женщина была проституткой, ее могли похитить у туалета, убить, а потом отвезти тело туда, где ее нашли, – предположил Уоллис. – Такое случается.

– Она могла быть без сознания, возможно, из-за передозировки наркотиков, когда ее задушили, – сказала Пайн. – Это объясняет отсутствие оборонительных ран на руках и следов крови под ногтями.

– Прежде всего нам необходимо установить ее имя, а потом выяснить, как она провела последние часы жизни.

– А мы можем получить запись передвижения всех транспортных средств Андерсонвилля?

Уоллис удивленно на нее посмотрел.

– Зачем? У нас нет свидетелей.

– Вчера вечером Кэрол обедала в «Темнице», вероятно,

незадолго до того, как убийца привез тело туда, где его обнаружили. Она сказала, что в ресторане почти не было свободных мест. Если она сможет опознать посетителей по фотографиям владельцев автомобилей, мы сможем отбросить значительное число подозреваемых.

– Вы серьезно полагаете, что она способна запомнить такое количество лиц?

– Если бы речь шла о любом другом человеке, я бы даже не стала беспокоиться. Но, как Блум говорила, она держит глаза открытыми. И, если у вас нет других идей, я бы попыталась использовать мою.

– Нет, других идей у меня нет. Значит, вы считаете, что убийца кто-то из местных?

– Я не знаю. Но если это так, то можно не сомневаться, что немалое число жителей города находилось в ресторане во время совершения преступления.

– Ладно, я подготовлю фотографии, чтобы ваша помощница на них взглянула, – пообещал Уоллис, вытащил из пачки сигарету и засунул ее в рот, но не стал прикуривать. Перехватив ее взгляд, он сказал: – Делаю первые шаги.

Пайн кивнула.

– Похоже, вы заходили на сайт WebMD ¹¹, – сказала она.

– Да уж, это и благо, и зло. Теперь я полагаю, что у меня имеется около шести других расстройств, помимо привычки курить, каждое из которых смертельно. Так вы сказали, что

¹¹ Информационный портал по вопросам здоровья.

это не первое родео убийцы?

– Очевидно, у меня не может быть уверенности. Все должно с чего-то начинаться. Но здесь присутствуют элементы изощренности, которых обычно нет, если преступник находится в начале карьеры серийного убийцы.

Уоллис искоса на нее посмотрел.

– Господи, вы говорите так, словно речь идет об обычном эпизоде в работе, – пробормотал он.

– Нет, все гораздо сложнее для тех, кто совершает подобные преступления. Они не в силах остановиться. Это одержимость. И единственная причина их существования. Им необходимо удовлетворять свою нужду.

– Полагаю, Дэниел Тор именно таков?

– Да. Его мозг не похож на ваш или мой.

– Вы сказали, что тот, кто убил нашу жертву, на этом не остановится?

– Если только это не разовое убийство. Но, думаю, что мы еще увидим его работу. Поза жертвы и фата что-то значат для убийцы. И я думаю, он не все сказал по данному вопросу.

– У вас есть какие-то идеи о следующих жертвах?

– У меня есть кое-какие теории, но ничего определенного. Сейчас поле возможностей слишком велико.

– Я знаю, что нынешняя его жертва может оказаться не местной, но следует ли нам предупредить людей?

– Пожалуй, да. Однако нам не нужна паника. Жители города могут придерживаться базовых предосторожностей.

Не выходить из дома поодиночке. Избегать изолированных мест. Держать двери запертыми, а глаза открытыми.

Уоллис кивнул.

– Каким будет наш следующий шаг? – спросил он.

– Мы обратимся в Куантико, чтобы выяснить, есть ли у них сведения о серийных убийцах с похожими методами, – ответила Пайн. – Именно этим сейчас занимается Кэррол.

– Как почерк изготовителей бомб, которые используют террористы?

– Да, именно так. Как только они находят свой метод, изготовители бомб стараются ничего не менять, чтобы не взорваться самим. С серийными убийцами все немного иначе – у них собственные символы, но они также не хотят, чтобы их поймали. Я расскажу вам, как только получу какую-то информацию.

– Благодарю. Вы возвращаетесь в мотель?

– Да. Я согласилась вам помочь в данном расследовании, но есть еще одна причина, по которой я здесь.

– Дело об исчезновении вашей сестры?

– Совершенно верно.

– Ну, удачи вам.

– Мне потребуется значительно больше, чем просто удача.

Глава 13

– Вы вернулись?

Сай Таннер смотрел, как Пайн выбирается из внедорожника и подходит к дому. Она была одета, как в предыдущий день, только поменяла футболку с изображением «The Doobie Brothers»¹².

– Да. А где Роско? – спросила Пайн.

– Наверное, мочится в доме, – ответил Сай. – А где ваша напарница?

– Кое-что проверяет. Вы не против, если я еще раз взгляну на свою прежнюю комнату?

– Прошу вас. Я заново собираю двигатель в маленькой мастерской за домом и уже почти закончил. Он обеспечит меня на ближайшие четыре месяца, если я буду экономить – а для меня это уже вошло в привычку. – Он посмотрел на ветхий дом и рассмеялся. – Но, полагаю, вы и сами все видите.

– Однажды я помогала моему наставнику из ФБР восстановить «Форд Мустанг шестьдесят седьмого».

Сай не удержался от улыбки.

– Проклятье, и какого он был цвета? – с интересом спросил он.

– Классическая бирюза. С поднимающимся верхом.

¹² Американская поп-рок группа.

– Ну если он и не является машиной моей мечты, то очень близко к тому, – заявил Сай.

– И ездит он так же классно, как выглядит.

– Не сомневаюсь. Заходите, пожалуйста. Только постарайтесь не наступить на маленькие сюрпризы, оставленные Роско.

Он направился на задний двор, а Пайн вошла в дом и увидела, что Роско мирно спит в мягком кресле. Она не стала его будить и сразу направилась к лестнице, которая вела наверх.

Пайн открыла дверь в свою прежнюю спальню, подошла к окну и выглянула наружу. Чтобы добраться до комнаты, требовалась лестница. По гладкой деревянной стене залезть было невозможно. Но лестницу нелегко найти, да и избавиться от нее совсем не просто. Кроме того, остались бы следы на земле. Из полицейского отчета Пайн знала, что все вокруг дома тщательно проверили – но найти ничего не удалось.

Значит, вспомним Шерлока Холмса: если это невозможно проделать таким способом, значит, что-то здесь не так.

Пайн вновь вернулась в 1989 год и мысленно заполнила комнату мебелью. Она прошлась по всему списку: кровать, комод с вращающимся зеркалом наверху. Маленький стол и два стула, на которых нарисованы Винни-Пух и Тигра – там они вместе с Мерси устраивали воображаемые чаепития. Старая вешалка для шляп и сосновый шкафчик в ногах кровати, где они хранили большую часть своих игрушек.

Время шло, а она все ходила по комнате, делая маленькие шаги и сосредоточившись на своих воспоминаниях.

У нее появилась новая мысль, которая никогда прежде не возникала.

На комодe стояло зеркало на шарнире.

Совсем рядом с окном.

Она закрыла глаза и попыталась вспомнить ночь из прошлого.

Они с Мерси спали в одной кровати, которая стояла так, что они лежали лицом к окну. Она помнила, что в ту ночь окно осталось открытым, потому что день выдался жарким. В доме не было кондиционера, и их мать хотела, чтобы дочерей освежал ночной ветерок.

Пайн разбудил звук. Она спала не так крепко, как ее сестра, которая была старше на десять минут.

Она еще сильнее прищурилась.

Ну, давай вспоминай. Мужчина забрался через окно. Ты его видела. Он заполнил все пространство. Ты должна вспомнить.

Она наложила на сцену Дэниела Джеймса Тора. Это был он. Иначе просто не могло быть.

Но тут ее мысли получили толчок.

Могло ли такое произойти? Это не имело отношения к тому, кто являлся похитителем. Вопрос состоял в том, как он попал в дом.

Она посмотрела на дверь, ведущую в спальню.

А если мужчина попал в комнату не через окно, и она увидела его отражение в зеркале, стоявшем рядом? Из чего следовало, что на самом деле он вошел в дверь, а вовсе не через окно. И это объясняло отсутствие следов от лестницы.

Получалось, что похититель прошел через дом, мимо ее родителей, которые находились на первом этаже. Или существовало другое объяснение?

Пайн закрыла глаза и почувствовала, что внутри у нее появилось неприятное чувство. Мой отец не мог этого сделать. Такое просто невозможно.

Но в таком случае ее родители почти наверняка знали мужчину, забравшего Мерси и едва не убившего Этли. Быть может, он выпивал и курил травку вместе с ними в ту ночь?

Она оперлась спиной о стену и услышала шаги на лестнице. Через мгновение в дверном проеме появился Таннер.

– Просто пришел проверить Роско и выяснить, не удалось ли вам прийти к каким-нибудь новым выводам, – сказал он.

– Может быть, – ответила Пайн.

– Ну, хорошо.

– Может быть. Но проблема в другом: что с этим делать дальше?

– Наверное, раскрывать подобные дела нелегко.

– Вы правы. Каждый шаг, будь он проклят, дается с огромным трудом.

– Однако вы даже не думаете о том, чтобы сдать, верно?

– Если бы вы лучше меня знали, то никогда не задали бы

такой вопрос.

Но, когда Пайн покидала дом, она не испытывала уверенности.

Во время короткой поездки обратно в Андерсонвилль в голове у нее роились самые разные мысли. Осторожная надежда соседствовала с логическими неувязками. Главная проблема состояла в том, что пока ей было неизвестно, сколько людей, знавших ее родителей, все еще живут в городе или неподалеку? Однако ей казалось, что у нее есть ответ на этот вопрос. Агнес Ридли и Лорен Грэм. Она не считала ни одну из них реальной подозреваемой, но они могли помочь ей отыскать тех, кто из знакомых ее родителей все еще оставался в Андерсонвилле.

Она позвонила Блюм и рассказала о том, что ей удалось обнаружить, и они договорились встретиться в «Коттедже». Блюм предстояло отыскать Грэм и попросить ее ответить на новые вопросы. А потом они отправятся к Ридли.

Пайн сделала долгий выдох. После стольких лет у нее что-то появилось. Значит, у меня есть шанс.

Глава 14

– Мне нужно подумать, – сказала Грэм, когда Пайн задала ей свой вопрос.

Они снова собрались в зале для завтраков в «Коттедже». Грэм сидела напротив Пайн и Блюм за одним из столиков. Она была в светло-синей юбке, черном свитере и сапожках до щиколотки. Ее волосы и макияж находились в идеальном порядке, хотя и несколько избыточном, подумала Пайн. Но что она на самом деле знала о подобных вещах? Она использовала тушь для ресниц и помаду не чаще двух раз в году.

– Я буду вам весьма признательна, – сказала Пайн. – У меня остались лишь смутные воспоминания о каких-то гостях и друзьях. И еще я собираюсь задать такой же вопрос Агнес Ридли.

– А могу я вас спросить, зачем вы хотите разыскать этих людей? – спросила Грэм.

Блюм посмотрела на Пайн.

– Это стандартный протокол, – ответила Пайн. – Никогда нельзя знать заранее, кто и что видел или слышал. Они могут считать какие-то детали незначительными, но для расследования они могут оказаться критичными.

Такой ответ не удовлетворил Грэм.

– А что относительно той несчастной женщины, которую нашли мертвой? – спросила она.

– Что именно вы хотите знать?

– Уже известно, кто она?

– Пока нет. Мы над этим работаем.

– Вы работаете?

– Полиция попросила меня о помощи, и я согласилась.

– Значит, сейчас вы не можете назвать имена людей, которые все еще живут здесь и могли знать семью Пайн? – вмешалась Блюм.

– Одного человека я могу назвать сразу, – после недолгих размышлений ответила Грэм. – Джексон Лайнберри.

– Я не помню эту фамилию, – призналась Пайн.

– Насколько мне известно, он дружил с вашим отцом.

– А где он живет?

– Примерно в часе езды отсюда. К северу, в сторону Атланты. У него красивый дом, можно сказать, поместье. Наверное, самое роскошное в тех местах. Он очень богат. У него даже есть собственный самолет.

– И как он заработал такие деньги?

– Удачное вложение капитала. Он на некоторое время уезжал, потом вернулся.

Они получили адрес и контактную информацию, Пайн поблагодарила Грэм и попросила ее позвонить, если она вспомнит кого-то еще, кто мог знать семью Пайн, и та обещала, что так и сделает.

Они позвонили Лайнберри, договорились о встрече, сели во внедорожник и поехали к нему.

– А что тебе удалось узнать? – спросила Пайн у Блюм.

– Как ты меня просила, я получила доступ к базе данных ViCAP¹³ через защищенный канал связи. И сообщила им подробности, которые нам известны. У них есть информация о других серийных убийствах, когда жертв одевали определенным образом, но ничего похожего на наше дело.

– Остается надеяться, что мы скоро узнаем личность жертвы, – сказала Пайн. – Тогда у нас появятся какие-то ниточки.

Блюм поглядывала в окно внедорожника, когда они ехали на север, в сторону дома Лайнберри.

– Значит, ты думаешь, что видела отражение мужчины в зеркале, а не входящего в комнату в окно?

– Я не могу быть уверена, но думаю, что такое весьма возможно, – ответила Пайн.

– Это же случилось так давно, а ты была совсем маленькой.

– Воспоминания о той ночи выжжены в моем сознании.

– Но все годы ты думала, что похититель забрался в спальню через окно.

– Знаю. Я считаю, что новая идея возникла у меня из-за того, что я снова оказалась в той комнате. Мне давно следовало туда приехать. Сама не понимаю, почему не сделала этого раньше.

¹³ Подразделение ФБР по предупреждению серийных насильственных преступлений.

– Там произошли ужасные вещи. Большинство людей не захотели бы туда возвращаться.

– Но я не большинство людей. Я агент ФБР, и мое кредо бежать навстречу проблеме, а не от нее.

– И все же.

Некоторое время они ехали молча.

– Почему Андерсонвилль?

Пайн посмотрела на нее.

– А почему нет? Серийные убийцы не раз начинали действовать в сельской местности. Они орудовали не только в крупных городах или их пригородах.

– Гораздо легче избежать ареста, когда вокруг много людей.

– В крупных городах намного больше полицейских сил, как и других правоохранительных агентств. Будь я серийным убийцей, едва ли я захотела бы связываться с полицейским департаментом Нью-Йорка, имеющим повсюду камеры, – куда лучше приехать в такое место, как это, где совсем плохо с ресурсами.

– Да, мне понятны твои доводы, но меня беспокоит кое-что еще.

– Что именно?

– Это совпадение или причина и следствие?

Пайн бросила на нее быстрый взгляд.

– Что ты имеешь в виду?

– Совпадение ли то, что мертвое тело появилось на сле-

дующий день после твоего приезда в город? Или убийство произошло из-за того, что ты вернулась в Андерсонвилль? – Блюм с тревогой посмотрела на Пайн.

– Ты хочешь сказать, что мое расследование исчезновения сестры, которое произошло тридцать лет назад, спровоцировало убийство той женщины?

– Я лишь говорю, что такая возможность существует. В противном случае это выглядит как очень странное совпадение.

Пайн задумчиво покачала головой.

– Такое преступление потребовало бы серьезного планирования за очень короткий промежуток времени, в том числе, выбор жертвы и само убийство, – сказала она.

– Да, пожалуй, это маловероятно, – с заметным облегчением согласилась Блюм.

Пайн снова на нее посмотрела.

– Быть может, ты считаешь, что похититель моей сестры и убийца этой женщины – один и тот же человек?

– Ну, должна признать, такая мысль у меня возникала.

Пайн покачала головой.

– Такого просто не может быть.

– Значит, ты не думаешь, что это убийство и исчезновение твоей сестры связаны?

– Прошло тридцать лет. Серийные убийцы никогда не совершают свои преступления так долго. Большинство уходят на покой после сорока или даже раньше.

– Большинство, но не все. Некоторые надолго прекращают убивать, чтобы потом снова вернуться к своим жутким делам.

– Тридцать лет это необычно долгий перерыв.

– Однако его нельзя назвать невозможным.

– Давай послушаем, что расскажет Лайнберри, прежде чем устремимся в другом направлении.

– Хорошо.

Прошло некоторое время.

– Как ты себя чувствуешь после возвращения? – спросила Блюм.

– Пока отвратительно, – ответила Пайн.

Глава 15

– Грэм не преувеличивала, когда сказала, что у парня есть деньги, – воскликнула Блюм.

– Нечто похожее можно увидеть в Бель-Эйре или Монте-сито, штат Калифорния, – ответила Пайн.

Владения Лайнберри окружала ограда с воротами, особняк, построенный из камня, был размером с торговый центр, но с куда более изощренным дизайном и дорогими материалами.

Пайн подъехала к воротам и опустила стекло. На воротах был видеозэкран, она представилась и показала документы.

Массивные ворота открылись, и они въехали в поместье.

Возле дома они остановились и вышли из машины. Их встретили двое мужчин в темных костюмах.

– Вы вооружены? – спросил один из них.

Высокий, сухощавый, лет сорока.

– Конечно, я вооружена, – сказала Пайн.

– В таком случае вам следует отдать мне оружие, – заявил мужчина.

– Этого не будет, – спокойно ответила Пайн.

Второй мужчина казался точной копией первого, только на несколько лет старше.

– Тогда вы не сможете войти в дом, – сказал он.

– Отлично, я готова говорить здесь, – ответила Пайн.

– Мистер Лайнберри не выходит наружу, чтобы с кем-то поговорить, – рявкнул первый охранник.

– Джерри, Тайлер, они могут войти с пистолетами и всем прочим. Это мой старый друг.

Они повернулись и увидели элегантного седого мужчину, стоявшего в открытом дверном проеме. Он был одет в тщательно отутюженные темные брюки, белую рубашку с открытым воротом и туфли из страусовой кожи.

Тот, кого звали Джерри, посмотрел на Пайн.

– Вы слышали: заходите, – сказал он.

Когда он протянул руку, собираясь положить ее на плечо Пайн, чтобы подтолкнуть вперед, она шагнула в сторону.

– Не делайте этого, – сказала она.

– Думаете, вы особенная? – спросил Джерри.

– Нет, но мне не нравится, когда на меня оказывают давление, если в нем нет ни малейшей необходимости, – ответила Пайн.

– Иногда просто не остается выбора, – резко возразил он.

– Ну, тебе никогда не удастся сделать выбор за меня, Джерри, – сказала Пайн. – А теперь забудь о своих расстроенных чувствах и веди нас. И не беспокойся, я не выпущу из виду твою спину.

Джерри покраснел, он явно рассердился, но молча повернулся и зашагал к входной двери. Блум и Пайн последовали за ним.

– Я тебе когда-нибудь говорила, как сильно я восхищаюсь

твоим стилем общения? – прошептала Блюм.

Лайнберри тепло с ними поздоровался и отпустил Джерри. Затем провел их через изысканно отделанный широкий вестибюль с мраморным полом в большую комнату, обставленную, как роскошный офис, – огромный парный письменный стол с тремя мониторами, удобные кресла, большой телевизор на стене, книжный шкаф из монолитной сосны с позолоченными ребрами, картины старых мастеров на стенах, в углу разместился бар со стульями с высокими спинками.

Хозяин жестом пригласил их присесть на кожаный диван и спросил, чего они хотели бы выпить. Обе выбрали кофе. Лайнберри нажал на какие-то кнопки на электронном экране в стене и сел напротив гостей.

– Кофе скоро принесут, – сказал он и тепло улыбнулся Пайн. – Я испытал настоящее потрясение, когда вы мне позвонили, Ли Пайн. Я и представить не мог, что снова вас увижу. Я не сомневался, что вы будете высокой. Рост Джулии составлял шесть футов, почти как у меня.

– Мне сказали, что вы хорошо знали моих родителей, – начала Пайн.

– Да, хотя вашего отца лучше. Мы с Тимом вместе работали на шахте.

– Вы работали на шахте? Мне трудно представить вас в каске и с киркой.

Лайнберри улыбнулся.

– Чтобы добывать бокситы, не нужно спускаться под зем-

лю, как в случаях с углем. Это делается прямо на поверхности. Правда, иногда приходится использовать взрывчатку, чтобы добраться до более глубоких залежей. Тим управлял тяжелыми машинами, с помощью которых достают бокситы. Я был менеджером, работал в офисе. Но мы стали друзьями. И ходили в одну и ту же церковь.

– Я слышала, вы занимались вложениями капитала. Необычная смена деятельности после добычи бокситов.

– Я стал однодневным трейдером ¹⁴, чтобы заработать денег, у меня хорошо получалось, и в результате я основал собственный инвестиционный фонд. Теперь «Джексон Лайнберри и компаньоны» управляет миллионами долларов, принадлежащих не только мне, но и другим людям. За последние годы нам сопутствовал серьезный успех, благодаря которому я сумел повысить уровень жизни.

– Я думала, парни с такими инвестиционными фондами живут в Нью-Йорке или Калифорнии.

– Благодаря существующим ныне технологиям можно работать откуда угодно. И я живу менее чем в часе езды от Атланты и езжу туда в поисках удовольствий, которые дает культура, и ресторанов; к тому же я держу там свой реактивный самолет, хотя, на крайний случай, есть посадочная полоса в поместье.

– И какой у вас самолет? – спросила Блюм.

¹⁴ Биржевой торговец, осуществляющий операции, не выходящие за пределы одного биржевого дня.

– «Бомбардье семь-пятьсот». Он может без посадки долететь отсюда до Москвы.

– Вы собираетесь когда-нибудь отправиться в Москву? – спросила Пайн.

Лайнберри усмехнулся.

– Не вижу для этого ни одной причины, – ответил он. – Я лишь повторяю то, что сказал мне про самолет финансовый директор.

Дверь распахнулась, и появилась женщина в форме горничной с подносом в руках. Она поставила кофе, сливки и сахар на столик перед диваном, положила на него ложечки и вышла.

Пайн и Блум предпочитали черный кофе, а Лайнберри не пожалел сливок и сахара. Пока он этим занимался, Пайн его изучала. Он был красив, такими бывают пожилые актеры и фотомодели. Однако что-то в нем показалось Пайн знакомым. Впрочем, она могла видеть его тридцать лет назад.

– Ну, так почему же вы вернулись?

– Моя сестра Мерси.

Его лицо стало серьезным.

– Это было ужасно. Ее ведь так и не нашли, верно?

– Да, вы правы. Вы знаете, что полиция и ФБР подозревали моего отца?

Лайнберри пренебрежительно махнул рукой.

– Тим имел к случившемуся не больше отношения, чем я. Он был опустошен. То, что тогда произошло, в конце концов

уничтожило его брак. – Лайнберри побледнел. – Прошу меня простить. Мне не следовало этого говорить.

– Нет, я собственными глазами видела, что случилось с их браком, – сказала Пайн. – Вы полагаете, они расстались из-за того, что оба чувствовали вину из-за похищения Мерси?

Лайнберри сделал глоток кофе, но не поставил чашку на стол.

– Я продолжал общаться с вашим отцом, – проговорил он.

– Мне совсем недавно стало известно, что мои родители покинули Андерсонвилль посреди ночи. И никто не знал, куда они уехали.

– Да, именно так и случилось. Но ваш отец связался со мной через несколько лет после вашего отъезда.

– Почему?

– Мне кажется, он знал, что я его разыскивал, пытался выяснить дальнейшую судьбу вашей семьи.

– Я осталась жить с мамой после того, как они разошлись.

– Тим мне говорил, что так будет лучше, к тому же, если откровенно, вы хотели жить с матерью, Ли.

– Значит, вам известно, что с ним произошло?

– Он застрелился в день вашего рождения. Когда вам исполнилось девятнадцать.

– Но как вы узнали такие подробности?

Лайнберри колебался несколько секунд.

– Именно я нашел его тело.

Пайн была настолько ошеломлена, что довольно долго

молчала, а Лайнберри не сводил с нее взгляда.

– Я думал, вам рассказала ваша мать.

– Нет, я этого не знала.

– Мы с вашим отцом дружили. Я всегда считал, что жизнь обошлась с ним несправедливо. Мало того, что он потерял дочь, его еще и заподозрили в ее убийстве. Он винил себя за то, что был... пьян в ту ночь.

– Как и моя мать.

– Ваш отец был человеком со старомодными взглядами. Он считал, что дело мужчины защищать свою семью.

– А почему именно вы нашли его тело?

– После того как он связался со мной, я решил дать ему работу. Ваш отец был умным человеком. Я знал, что он способен на большее, чем управлять бульдозером. Поэтому предложил ему место в своей компании, и мы договорились встретиться, чтобы уточнить детали. Однако он не пришел. Я ему позвонил, но он не взял трубку. Это происходило еще до сотовых телефонов и электронной почты. Я отправился туда, где он остановился. – Лайнберри смолк и опустил глаза. – И нашел его... мертвым.

– В дешевом мотеле в Луизиане.

К ее удивлению, Лайнберри покачал головой.

– Нет, в его квартире, в Вирджинии, – возразил он. – Он перебрался туда из-за работы. Он что-то продавал, так ваш отец мне говорил.

Пайн была так потрясена словами Лайнберри, что встала

и принялась расхаживать по комнате, Блюм и Лайнберри с тревогой за ней наблюдали.

– Но мама рассказала мне совсем другую историю. – Пайн сжала руки в кулаки, казалось, ей хочется ударить стену. – Она не позволила мне поехать с ней, чтобы попрощаться с отцом. Отправилась одна и организовала кремацию.

– Поверьте, Ли, вы бы не хотели видеть отца таким. Мне пришлось проводить предварительное опознание тела, и это... было тяжело. Дробовик...

– Я не люблю, когда мне лгут.

– Я не сомневаюсь, ваша мать была уверена, что поступает правильно.

Пайн села.

– Вы видели мою мать, когда она приехала?

– Нет. Должно быть, я уже покинул город. – Лайнберри печально покачал головой. – Она так много потеряла, и хотя они разошлись, оставались близкими людьми. Конечно, это означало, что вы лишились отца.

– Он иногда приезжал меня навестить, – медленно заговорила Пайн. – Не слишком регулярно и никогда не оставался надолго... но я всегда радовалась его визитам. Мне хотелось видеть его чаще.

– Конечно, Ли. Конечно, вы хотели видеть его чаще. Семья – это очень важно.

– А у вас есть семья? – спросила Блюм.

– Нет, я так и не сделал решительного шага. И не успел

оглянуться, как мне исполнилось шестьдесят.

– Никогда не поздно сказать: «Я согласен», – заметила Блюм.

– Наверное, мне поздно.

– Я вернулась сюда для того, чтобы узнать, что случилось с моей сестрой, – сказала Пайн, заставив Лайнберри и Блюм вновь обратить на нее внимание.

Лайнберри задумчиво кивнул и поставил на столик чашку с кофе.

– Честно говоря, я так и подумал. – Он посмотрел на значок на ее бедре. – Агент ФБР? Пожалуй, будь я психологом, я мог бы сделать определенные выводы по поводу причин, которые привели вас в ряды защитников правопорядка.

– Для этого не потребовалось бы получать специальное образование.

– Как я могу вам помочь в решении этой задачи?

– Вы знали моих родителей. Вы не могли бы назвать имена хотя бы некоторых их друзей в Андерсонвилле?

Лайнберри откинулся на спинку кресла.

– Могу я спросить, почему вы хотите это знать?

– Вы считаете, что мой отец не имел никакого отношения к тому, что случилось с моей сестрой.

– Верно.

– Но кто-то же ее забрал. Я хочу знать кто.

Челюсть Лайнберри отвисла.

– Вы... думаете, это сделал кто-то из тех, кто был знаком

с вашей семьей? – Лайнберри не сумел скрыть удивления. – Я всегда считал, что виновен кто-то чужой.

– Да, похищения, которые совершают чужаки, случаются, но гораздо чаще это делает тот, кто знаком с семьей.

– Не могу поверить. Ведь наш городок совсем маленький.

– Иногда так бывает: вы считаете, что знаете кого-то, а оказывается, что это совсем не так, – заметила Блюм.

– Вы хотите сказать, что у каждого из нас есть темная сторона? – спросил Лайнберри.

– И у некоторых людей она оказывается темнее, чем у других, – добавила Блюм.

Теперь Лайнберри смотрел на них с некоторой тревогой.

– Ну, я был их другом, что сразу делает меня подозреваемым.

Пайн покачала головой.

– Я не утверждаю, что любой может быть подозреваемым, – сказала она. – Это всего лишь одна из возможных линий расследования. Даже если преступление совершил чужак, кто-то мог находиться рядом с домом или моими родителями в ту ночь и вспомнит того, кто наблюдал за нами, или всплывет информация, которая окажется полезной.

– А вы говорили с вашей матерью? Она определенно что-то должна знать.

– Нет, я с ней не говорила. И едва ли мне представится такая возможность.

– Не могли бы вы объяснить почему?

– Скажем так: это ее выбор, а не мой.

Лайнберри покачал головой.

– Ладно, дело ваше, – сказал он. – Я больше не стану задавать вопросы.

– Благодарю, я очень это ценю.

– Итак, друзья. Кажется, мне нечего добавить.

– Нам нужно все, что вы сможете вспомнить, и только. А дальше я сама.

– Оставьте мне номер вашего телефона, и я с вами свяжусь, – обещал Лайнберри.

– Спасибо вам, – сказала Пайн.

Они уже уходили, когда Лайнберри их остановил.

– А что, если правда окажется такой ужасной, что лучше ее не знать?

– Не представляю, чтобы так могло быть. В любом случае я должна довести дело до конца.

– Не завидую вам.

– Если честно, я и сама себе не завидую.

Глава 16

На следующее утро Пайн вышла из душа и остановилась перед зеркалом в ванной комнате, чтобы высушить волосы. На ее дельтовидных мышцах были татуировки Близнецов и Меркурия. А на обоих предплечьях написаны слова: «Без пощады»¹⁵.

Татуировки на предплечьях имели для нее двойной смысл, без особой эзотерики. В ее жизни не было Мерси, потому что сестру отняли. И по сравнению с тем, что случилось с Мерси, ее существование было подобно дуновению ветерка. Поэтому она не могла давать себе послаблений ни при каких условиях. Педаль газа в пол, пленных не брать и не жаловаться, если кто-то надрал тебе задницу.

И никакой пощады для меня.

Татуировки на дельтовидных мышцах также имели вполне очевидный смысл: Близнецы, бог близнецов. И планета Меркурий, из Зодиакального созвездия Близнецов.

Пайн положила обе руки на раковину и посмотрела на свое отражение.

Да, наверное, я ношу это на рукаве. И на плечах, наверное, я настолько очевидна. Но мне плевать, что думают люди.

Она прикоснулась к подвеске с изображением святого

¹⁵ «No Merсу» – «нет милосердия», или «нет пощады» (англ.); имя сестры Этли Пайн – Мерси – означает «милосердие».

Христофора, которую носила на шее, подарок матери. Последний, как потом оказалось. Несколько раз Пайн собиралась ее выбросить, но что-то ей мешало.

Может быть, настанет день, когда амулет принесет мне удачу. Может быть, приведет меня к ней.

Пайн, не торопясь, оделась и подумала о том, что ей удалось узнать с тех пор, как она сюда приехала.

Не слишком много. Чужак, попавший к ним в спальню из дома, пожалуй, самое большое достижение, но только если ее догадка верна. И сможет ли она когда-нибудь получить абсолютно надежный ответ на этот вопрос?

Пайн выглянула из окна на улицу. Она смутно помнила, что родители водили ее и сестру на городское кладбище, где белые могильные указатели уходили в бесконечность. Тогда ей казалось, что мертвые люди повсюду, и это пугало их с Мерси.

Она закрыла глаза и прислонилась спиной к стене, прекрасно понимая, что Мерси не может быть жива. В лучшем случае, в самом лучшем, она могла надеяться, что сможет найти ниточку, которая приведет ее к могиле сестры. Но теперь там только кости, как на местном тюремном кладбище, ее сестра-близнец стала скелетом.

Я заберу кости. Я отыщу ее останки. Я просто хочу знать... что произошло.

Маленькая, такая знакомая рука в ее ладони, лицо, подобное собственному отражению в зеркале, смотрящее на нее. В

этом было утешение и умиротворение. Она думала, что так будет всегда. Но Мерси пробыла в ее жизни всего шесть лет. И с тех пор Пайн всегда была одна. Она больше никогда не испытывала утешения и умиротворения. Такая связь, вероятно, возможна только раз в жизни.

Может быть, именно по этой причине мне так трудно вступить с кем-то в близкие отношения.

Когда она заканчивала одеваться, звякнул ее сотовый телефон – Джексон Лайнберри прислал ей сообщение. Он написал, что вспомнил только двоих друзей ее семьи, которые по-прежнему живут в городе.

Майрон и Бритта Прингл. Им было заметно за пятьдесят – почти ровесники родителей Пайн. Она не помнила их имен, но надеялась, что после визита к ним у нее появятся новые воспоминания.

Они встретились с Блюм внизу, на застекленной террасе. За кофе и рогаликами Пайн рассказала о сообщении от Лайнберри.

– А ты не помнишь этих Принглов? – спросила Блюм.

Пайн покачала головой.

– По крайней мере, сейчас. – Она помолчала и добавила с горечью: – Складывается впечатление, что я почти ничего не помню, верно? На самом деле это смешно.

Блюм поставила чашку и положила ладонь на руку Пайн.

– Ты ведь понимаешь, какую травму пережила здесь в возрасте шести лет? – сказала она. – Господи, удивительно, что

ты вообще в состоянии функционировать, агент Пайн. Ты должна прекратить так строго себя судить.

Пайн не смотрела на Блюм. Что-то сжало ее внутри и не отпускало.

– Не могу, Кэрол. Я не заслужила того, чтобы было легко.

– А когда тебе легко что-то давалось? Сомневаюсь, что ты родилась в рубашке. Ты чудом выжила, когда была ребенком. Отец покончил с собой в день твоего рождения. Ты не знаешь, где твоя мать. И потеряла сестру-близнеца. К тому же едва ли один из четырех специальных агентов в Бюро женщина. Проклятье, ты сумела устоять, когда шансы на успех были минимальны. И вовсе не благодаря слепой удаче. Ты работала изо всех сил.

– Удачно прошла встреча с Джеком? – спросила Грэм, подошедшая к ним с тарелками с яйцами, кукурузной кашей, бисквитами и беконом.

Она поставила их перед Пайн и Блюм. Сегодня она надела темные брюки и белую блузку, разноцветная косынка стягивала волосы. Безупречный макияж и внимательные глаза. «Быть может, слишком внимательные», – подумала Пайн.

– Хорошая первая встреча, – сказала Пайн, когда Блюм с любопытством посмотрела на кашу.

Пайн заметила ее взгляд.

– Это здешняя каша, Кэрол. Нечто вроде обычной, но очень много соли и масла.

– Ну, как скажешь, – ответила Блюм, сосредоточившись

на беконе и яйцах.

Грэм не отходила от их столика.

– Джек многого добился в жизни, – заметила она.

– Вне всякого сомнения, – ответила Пайн, которая ела без всякого аппетита.

– Вы не хотите есть? – спросила Грэм.

– Меня сейчас больше интересуют ответы, чем еда, – сказала Пайн. – Лайнберри назвал мне имена двух других людей, которые жили здесь в те времена.

– И кто же это? – заинтересовалась Грэм.

– Майрон и Бритта Прингл.

Грэм заметно расстроилась.

– Да, конечно, Принглы. Я как-то о них не подумала.

– Вы хорошо их знали, когда они здесь жили?

– Не особенно. Я о них вообще практически забыла.

– Они такие незапоминающиеся?

– Нет, дело не в этом. В некотором смысле они были очень даже запоминающимися. В особенности муж, Майрон. Но с тех пор прошло столько лет.

Пайн переглянулась с Блюм.

– Лайнберри дал мне адрес. Но у него нет их телефона или электронной почты, что показалось мне странным.

– Ну, вы можете просто к ним поехать и посмотреть, что получится.

– А что вы можете о них рассказать из тех времен, когда они жили здесь?

Грэм пододвинула стул и села.

– Первое слово, которое приходит в голову: странные. Майрон Прингл был, ну, вроде как, гением. Может быть, теперь сказали бы, что он аутист, но тогда так не говорили.

– А чем он занимался?

– Тогда он работал на шахте. В конторе.

– А жена?

– Бритта не такая странная, как Майрон. Их детей, мальчика и девочку я почти не помню. Я старше. По возрасту они были ближе к вам. Бритта мне нравилась, но они редко приезжали в город. Может, она и работала, но, где именно, я уже успела забыть. В те времена большая часть женщин в Андерсонвилле либо сидели дома, либо выходили на неполный день.

– Но, если их дети были моего возраста, мы наверняка с ними играли. Я смутно помню каких-то детей, которые иногда к нам приходили.

– Ну, нет ничего удивительного в том, что вы плохо помните. Вы тогда были совсем маленькой. Они жили к вам ближе остальных. Последний дом перед вашим, примерно на расстоянии мили.

Пайн задумалась, но у нее не осталось никаких воспоминаний о доме семьи Прингл.

– Ну, наверное, мы все узнаем, когда их увидим, – сказала Блюм.

Они закончили завтрак и через полчаса сели во внедорож-

ник.

– Надеешься на большой прорыв с Принглами?

– Подобные дела никогда так не решаются, – ответила Пайн. – Но если мне удастся что-то узнать, я не стану возражать.

Глава 17

– Если бы я собиралась снять фильм ужасов, – сказала Блюм, – это было бы превосходным местом.

Они свернули на усыпанную гравием извивающуюся дорогу, и стало заметно темнее – с двух сторон над ней склонялись ветки старых дубов, покрытые исландским лишайником, и создавалось впечатление, что они едут по туннелю. Солнечный свет сюда практически не проникал. Они снова оказались в округе Мейкон, примерно в сорока пяти минутах езды от Андерсонвилля.

– Я думаю, Грэм именно по этой причине не знает, что они вернулись, – сказала Пайн. – Довольно далеко от города. И я сомневаюсь, что они вообще бывают в Андерсонвилле.

– Ты и в самом деле ничего о них не помнишь?

Пайн покачала головой.

– Но мы очень скоро получим ответ на этот вопрос.

Туннель из дубов закончился, но солнце все еще закрывали другие деревья, окружавшие дом, который они увидели только после того, как сделали последний поворот.

– Ну, я не могла даже представить, что мы здесь увидим, – призналась Блюм. – Я думала, он будет похож на дом Ашерров ¹⁶.

¹⁶ Мрачный старинный особняк с трещиной от крыши до фундамента из рассказа Э. А. По «Падение дома Ашеров».

Дом оказался большим, недавно построенным, современного дизайна, с большим количеством металла и стекла.

– Нечто похожее мог бы выстроить для себя какой-нибудь магнат в Пало-Альто, – заметила Пайн, сбрасывая скорость и останавливая внедорожник перед домом.

Они вышли из машины и осмотрелись по сторонам.

– Видишь кого-нибудь? – спросила Блюм.

– Нет. И никаких машин, но гараж может находиться за домом.

– Чем я могу вам помочь? – услышали они голос.

Они оглянулись, пытаясь понять, откуда он доносится.

– Чем я могу вам помочь? – повторил тот же голос.

Казалось, звук доносился от входной двери.

– Должно быть, они установили одну из новых систем безопасности, – сказала Пайн. Они подошли к входной двери, и она подняла свой значок. – Я специальный агент ФБР Этли Пайн. Джек Лайнберри дал мне ваш адрес. Думаю, вы знали моих родителей, Тима и Джулию Пайн.

Они не получили никакого ответа, и Пайн посмотрела на Блюм.

– Может быть, я сказала что-то не то?

Входная дверь открылась, и на пороге появилась привлекательная женщина лет пятидесяти с небольшим, среднего роста, с коротко подстриженными светлыми крашеными волосами, подчеркивавшими изящную шею. Она была стройной и находилась в хорошей физической форме, одета

в стильные черные брюки, туфли на низком каблуке, светло-синюю блузку и легкий свитер. Даже издалека они разглядели у нее на пальце крупный бриллиант.

– Ли Пайн? Это и правда вы?

– Да, я.

– Боже мой, я бы вас никогда не узнала.

– Вы Бритта Прингл?

– Да. Наверное, вы меня не помните, в те годы вы были совсем маленькой.

– А это моя помощница Кэрол Блум.

Они пожали друг другу руки.

– У вас очень красивый дом, – сказал Блум. – Я... никак не ожидала увидеть такой здесь...

– ...в такой глуши? – с усталой улыбкой закончила Бритта. – Никто бы не ожидал. Это дизайн моего мужа. Он из Кремниевой долины. А я девушка с Кейп-Кода ¹⁷.

Бритта посмотрела на Пайн и улыбнулась.

– Теперь я определенно вижу сходство с вашей матерью. И есть немного от Тима, в линии скул.

Ее слова несколько удивили Пайн. Когда она беседовала с потенциальными свидетелями, у нее всегда имелся наготове список вопросов и протоколы, и она неизменно их придерживалась, при необходимости проявляя гибкость, – тут

¹⁷ Полуостров в штате Массачусетс на атлантическом побережье. Героиня противопоставляет Кейп-Код, популярный среди туристов благодаря своей старомодной атмосфере, центру сверхсовременных технологий, каким является Кремниевая долина.

все зависело от того, как складывался разговор. Но сейчас ей пришлось напомнить себе, что это совсем не похоже на обычное расследование.

Речь идет о моей семье. И прежде всего обо мне.

– Да, конечно, – коротко ответила она.

– Но, что вас сюда привело? Вы сказали, что являетесь агентом ФБР?

– Так и есть. Я в Бюро уже более десяти лет.

– Как быстро бежит время.

– Я здесь из-за моей сестры.

Бритта заметно расслабилась.

– Вашей сестры? – Она перевела взгляд с Блюм на Пайн. – Ее сумели... отыскать?

И вновь Пайн показалось, будто она получила удар в живот, усиливший ее личную связь с расследованием. Она вдруг обнаружила, что какая-то ее часть предпочла бы сосредоточиться на убийстве неизвестной молодой женщины. Она могла заниматься этим делом профессионально и отстраненно, не внося в работу ничего от себя.

– Нет, и я приехала сюда именно по этой причине, – ответила Пайн. – Я пытаюсь выяснить, что тогда произошло.

Бритта сложила руки на груди.

– После стольких лет? Почему бы и нет? Наверное, я бы поступила так же, если бы речь шла о моей сестре. – Кажется, она одернула себя. – О, пожалуйста, заходите.

Она распахнула входную дверь и жестом предложила им

войти.

Вестибюль состоял из трех уровней. Пайн окинула взглядом внутреннее убранство, стекло и металл. Несмотря на деревья вокруг дома, здесь было полно света. Пространство пола оставалось открытым, и, несмотря на многочисленные светильники и сделанную на заказ мебель, отсюда открывался великолепный вид на гостиную. Толстые разноцветные ковры разбивали крупные плитки пола с узорами в виде отпечатков ископаемых животных.

– Ого, – только и сказала Блюм.

– Да, это обычная реакция, – заметила Бритта. – Но вы упомянули Джека Лайнберри. Если вы побывали у него в поместье, то видели, что там все в три раза больше и полно самых современных гаджетов.

– Да, мы были у него, – сказала Блюм, – и его дом это нечто. Обе ваши семьи добились многого.

– Ну, наш успех связан с успехом Джека.

– В каком смысле?

– Хотите кофе?

– Да, конечно.

Бритта отвела их на территорию кухни, откуда открывался вид на противоположную часть поместья с большим бассейном и гостевым домиком, который по стилю совсем не соответствовал основной резиденции. Он был облицован деревом и выкрашен в серый цвет, с высокими башенками, крыльцом из штакетника и площадкой с перильцами на кры-

ше. Здесь также находился гараж на шесть машин с вымощенной плиткой площадкой перед ним и зона барбекю с встроенным грилем и самыми разными приспособлениями из нержавеющей стали.

Пайн подумала, что для «Архитектурного дайджеста» визит сюда стал бы счастливым днем.

Как только они вошли в комнату, появилась латиноамериканка, одетая в форму горничной, со шваброй и ведром в руках. Увидев трех женщин, она удивилась.

– О, Калинда, извини, к нам неожиданно пришли гости. Ты можешь пока поработать в другой части дома? Благодарю.

Калинда, которой было за пятьдесят, худая, с седыми волосами, молча кивнула и поспешно вышла из комнаты. Бритта посмотрела ей вслед.

– Это была идея Майрона, – сказала Бритта. – Нанять ее. Я говорила ему, что справлюсь с домом сама.

– Но здесь такие большие площади, – заметила Блюм. – Помощь вам наверняка не помешает.

– Вы правы, – согласилась Бритта. – И я знаю, что Калинда отправляет деньги домой, в Гватемалу. Возможно, она здесь нелегально, но эти люди заслуживают право на жизнь. И она работает очень старательно.

Бритта налила в кофейный автомат воду и указала в сторону гостевого домика.

– А это мой вклад, – сказала она. – Я провожу там доволь-

но много времени. Большой дом слишком холодный и антисептический на мой вкус.

Она принесла кофе на стол, выходящий на задний двор, и все сели.

– Итак, Джек Лайнберри, – напомнила Пайн.

– Да, – кивнула Бритта. – Ну, наверное, он вам говорил, что владеет весьма успешной инвестиционной компанией. Он опирается на компьютеризированную торговлю, быструю покупку и продажу акций и других вложений. Я не стану делать вид, что понимаю, как это работает, но, если коротко, успех основан на скорости – более высокой, чем способны выдать индивидуальные трейдеры. А Майрон компьютерный специалист мирового класса. Он объединил алгоритмы и коммерческие программы, чтобы усилить инвестиционный бизнес Джека. Нечто похожее он сделал в своем офисе в шахте по добыче бокситов, хотя в те времена алгоритмы не имели такого огромного значения, как сейчас. Именно так Джек и Майрон познакомились.

– Ну, очевидно, у них неплохо получилось, – заметила Блюм.

– А где ваш муж? – спросила Пайн.

– Майрон настоящая сова. Ночью он почти не спит, ложится утром, встает только к середине дня и требует завтрак. – Она немного печально улыбнулась, как показалось Пайн. – Наверное, гениям следует позволять маленькие особенности поведения, – добавила Бритта.

– Да, конечно, – сказала Блюм.

– Итак, как я могу вам помочь?

– Я удивлена, что Лайнберри не рассказал вам о нашей встрече, – сказала Пайн. – Ваш адрес я получила от него. Но он не дал мне ни вашего номера телефона, ни адреса электронной почты.

– Ну, он просто не мог, – ответила Бритта. – У нас их нет.

– У вас нет ни того, ни другого? – удивленно переспросила Пайн.

– Майрон отказался от телефона и электронной почты, – устало сказала Бритта. – Он считает, что это опасно. Слишком многие могут использовать их против нас. Ну, вы знаете, чтобы шпионить.

– Еще одна особенность гения?

Бритта улыбнулась в чашку с кофе.

– Да, их у него немало.

Пайн сделала глоток кофе и наклонилась вперед, поставив локти на стол.

– По разным причинам я решила, что пришло время продвинуться вперед в расследовании исчезновения моей сестры.

– Хорошо, – сказала Бритта – теперь ее лицо выражало полное внимание.

– Я долгое время считала, что человек, похитивший Мерси, забрался в нашу спальню через окно.

– Через окно? Я не знала.

– Очевидно, полиция мне не поверила, ведь я получила травму головы, – продолжала Пайн.

– Она едва вас не убила. Бедняжка. Вы долго пролежали в больнице. И Джулия ужасно за вас беспокоилась.

– Она уже потеряла одну дочь и боялась лишиться второй, – сказала Пайн, наблюдая за реакцией Бритты.

– Да, наверное, это одна из причин.

– Вот только я уже не так уверена, что похититель проник в нашу спальню через окно.

Бритта ахнула.

– Я... не понимаю, – пробормотала она.

– Теперь я считаю, что он попал к нам в комнату через дверь, из чего следует, что сначала он прошел по дому.

– Но ваши родители? Разве они бы...

– Мои родители... в то время были недееспособны. Я думала, вы знали.

– Прошло столько лет, Ли. У меня хорошая память, но не настолько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.